ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЭРИХА ЛАССОТЫ,

ОТПРАВЛЕННАГО РИМСКИМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ

РУДОЛЬФОМЪ II

КЪ ЗАПОРОЖЦАМЪ ВЪ 1594 Г.

Переводъ и примѣчанія Ф. Бруна.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Въ Одессѣ, у книгопродавца В. И. Бѣлаго, на Дерибасовской улицѣ, въ домѣ Маріни.

Въ С.-Петербургѣ, у книгопродавца А. И. Бортневскаго, на углу Троицкаго и Графскаго переулка.

1873.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЭРИХА ЛАССОТЫ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЭРИХА ЛАССОТЫ,

ОТПРАВЛЕННАГО РИМСКИМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ

РУДОЛЬФОМЪ II.

КЪ ЗАПОРОЖЦАМЪ ВЪ 1594 Г.

Переводъ и примѣчанія Ф. Бруна.

3696/4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5.
1873.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 22 Мая 1873 года.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЭРИХА ЛАССОТЫ.

«Въ памяти народной все касательно сего далекаго времени покрыто непроницаемымъ туманомъ».

(Срезневскій).

Записки эти составляютъ только часть рукописи, хранящейся въ герсдорфской библіотекѣ въ Бауценѣ и изданной впервые докторомъ Шоттиномъ, въ 1854 году; вторично же въ 1866 г., подъ заглавіемъ: „Tagebuch des Erich Lassota von Steblau".

Имѣя намѣреніе представить здѣсь отрывокъ изъ этого дневника въ русскомъ переводѣ, я считаю умѣстнымъ предварительно познакомить читателей съ замѣчаніями издателя относительно формы и содержанія рукописи, а также и личности ея автора.

Имя послѣдняго не обозначено въ рукописи in fol., хранящейся нынѣ въ указанной библіотекѣ, съ надписью: Diarium des Erich Lassota von Steblau, и попавшей туда, по всей вѣроятности, изъ Праги, такъ какъ она сшита съ другою генеалогическою рукописью, посвященною императору Рудольфу. На текстѣ ея, который, явно, списанъ переписчикомъ, отмѣчены поправки, даже съ нѣкоторыми пополненіями, инымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, принадлежащимъ самому автору, за котораго, судя по содержанію дневника и по другимъ источникамъ, съ по-

мощью которыхъ можно также пополнить данныя касательно происхожденія и жизни автора, имъ самимъ намъ сообщаемыя, нельзя не признать самого Эриха Лассоты.

Въ XVI столѣтіи, члены фамиліи Лассоты (Лесота, Лесата), происходившей, по Sinap. Schles. Curios. I, 578, отъ древняго моравскаго рода Одровунъ или Одрифгаузенъ, занимали важныя должности въ Силезіи и Польшѣ. Родовымъ же помѣстьемъ Эриха Лассоты былъ Блашевицъ или Блешвицъ, близь Ратибора; по крайней мѣрѣ, онъ всегда возвращался туда изъ своихъ путешествій и тамъ же приготовлялся къ новымъ путешествіямъ. О родителяхъ своихъ онъ вовсе не упоминаетъ; о братѣ же Фридрихѣ, умершемъ въ юныхъ лѣтахъ, говоритъ только мимоходомъ. Изъ гёрлицкой школы, гдѣ обучался Эрихъ Лассота около 1567 года, онъ перешелъ въ лейпцигскій университетъ. Затѣмъ, въ декабрѣ 1573 года, отправился, вмѣстѣ съ братомъ и дядею Георгіемъ Штофелемъ, въ Италію. Тамъ онъ до 1576 года слушалъ лекціи въ Падуѣ, гдѣ свелъ знакомство, въ послѣдствіи для него весьма выгодное, съ нѣкоторыми знатными Шведами. Въ іюнѣ 1576 года онъ отправился въ обратный путь съ дядею Иваномъ Сичъ фонъ Штибендорфомъ и прибылъ въ іюлѣ въ Блашевицъ. Въ бытность его въ Прагѣ, получено было извѣстіе, что императоръ дозволилъ испанскому королю Филиппу II навербовать полкъ нѣмецкихъ ратниковъ для предположеннаго похода въ Португалію. Рѣшившись участвовать въ этомъ предпріятіи, Лассота готовился къ нему въ Блашевицѣ, и, взявъ съ собою младшаго двоюроднаго брата Людвига Лассоту, въ качествѣ оруженосца (als einen Jungen), отправился съ нимъ чрезъ Бреннеръ въ Ломбардію и прибылъ въ Кремону, гдѣ за-

сталъ нѣмецкій полкъ, подъ командою полковника графа Іеронима Лодрона, въ который и вступилъ на службу, въ роту капитана Криппъ фонъ Фрейденека, рядовымъ, подобно другимъ, упомянутымъ имъ, молодымъ дворянамъ, съ двойнымъ жалованьемъ (als Doppelsöldner), каковое было уплачиваемо тѣмъ, кто вооружался на свой счетъ (ср. Lazarus v. Schwendi, Kriegsdiscurs, Frankf. 1593 p. 165).

Послѣ долгаго плаванія, полкъ этотъ прибылъ въ Кадиксъ, содѣйствовалъ къ завоеванію Португаліи, участвовалъ въ экспедиціяхъ на Азорскіе острова и, послѣ пятилѣтней службы, претерпѣвъ во время похода значительную потерю въ людяхъ, на берегу Италіи, 6 іюля 1584 года былъ распущенъ. Возвратившись въ Блашевицъ, съ цѣлью собраться съ силами послѣ совершеннаго имъ утомительнаго похода, Лассота однакожъ не долго здѣсь оставался. Въ слѣдующемъ же 1585 году, 13 марта, онъ снова вступилъ въ службу къ императору Рудольфу, для исполненія, какъ кажется, должности политическаго агента. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно полагать, судя по частымъ его путешествіямъ въ Силезію и Польшу и принимая во вниманіе то обстоятельство, что онъ немедленно по смерти Стефана Баторія (27 марта 1587 г.) имѣлъ аудіенцію у эрцгерцога Максимиліана и докладывалъ ему о „польскихъ дѣлахъ“.

Кромѣ того, мы отъ него же узнаемъ, что эрцгерцогомъ ему поручено было провожать извѣстнаго фельдмаршала Христофа фонъ Тейфенбаха, посланнаго въ Варшаву, по случаю избранія короля, и что послѣ несчастной капитуляціи въ Бичинѣ, прекратившей войну за польскій престолъ (въ которой Лассота даже временно командовалъ

нѣмецкимъ войскомъ), Максимиліанъ не только оставилъ его при себѣ, когда находился почти два года въ почетномъ плѣну въ замкѣ Краснославѣ, но еще давалъ ему такія порученія, которыхъ нельзя было довѣрять бумагѣ, „so feder und tintenn nicht zu vertrauen“.

Одно изъ этихъ порученій привело его 29 іюня 1589 года, между прочимъ, въ *Каменецъ*, а 1 іюля въ *Хотинъ* „одинъ изъ главныхъ городовъ Валахіи (т. е. Молдавіи) съ каменнымъ замкомъ, резиденціею параклаба (Burkalabie), намѣстника господаря“. Въ Хотинѣ Лассота засталъ жителей различныхъ націй: Христіанъ, Армянъ, Турокъ, Цыганъ. О Каменцѣ же онъ замѣчаетъ, что этотъ городъ, по своему укрѣпленному положенію, занималъ тогда первое мѣсто въ Польшѣ, и что, посредствомъ высокаго моста, былъ соединенъ съ смежнымъ съ нимъ замкомъ.

Гораздо болѣе подробностей находимъ мы въ этомъ дневникѣ, начиная съ слѣдующаго, т. е. 1590 года, въ которомъ Лассота былъ посланъ эрцгерцогомъ въ Россію, съ порученіями, по видимому, неблагопріятными для Швеціи и Польши. По незнанію капитаномъ корабля мѣстности, Лассота съ своими спутниками, попавшись въ руки шведскаго начальника въ Нарвѣ, былъ отправленъ въ Швецію, гдѣ, состоя въ плѣну, былъ переводимъ изъ одного замка въ другой и допрашиваемъ, съ дѣлаемыми ему при этомъ королемъ и братомъ его Карломъ Зюдерманландскимъ угрозами, но симъ послѣднимъ, уже послѣ смерти Іоанна, во вниманіе къ просьбѣ императора, былъ наконецъ выпущенъ на свободу.

Что Лассота, по возвращеніи на родину, по прежнему пользовался благорасположеніемъ эрцгерцога, видно изъ

того, что, какъ только 12 января 1594 года эрцгерцогъ прибылъ въ Прагу, то Лассотѣ, здѣсь въ то время находившемуся, императорскимъ гофмейстеромъ и оберкаммергеромъ Вольфомъ Румфомъ, было сообщено, что императоръ рѣшился возложить на него посольство, и что поэтому ему слѣдуетъ представиться тайному совѣтнику фонъ Горнштейну, для узнанія, куда именно хотятъ послать его и по какому дѣлу.

Вотъ что говоритъ объ этомъ дѣлѣ самъ Лассота въ своемъ дневникѣ:

„27-го числа (января 1594 г.) я представился г. фонъ Горнштейну и отъ него узналъ, что Низовые или Запорожскіе козаки, обитающіе на островахъ рѣки Борисѳенесъ (Borysthonis), названной по польски Dniepr (Nepr), предлагали свои услуги Его императорскому величеству чрезъ одного изъ среды ихъ, Станислава Хлопицкаго, вызываясь, по случаю большихъ приготовленій Татаръ къ походу и ихъ намѣренія переправиться чрезъ Борисѳенъ при устьѣ сей рѣки въ Черное море, препятствовать этому переходу ихъ и всячески вредить имъ. Вслѣдствіе этого, императоръ рѣшился послать имъ въ даръ знамя и сумму денегъ и пожелалъ поручить мнѣ передачу имъ этихъ даровъ, съ назначеніемъ въ товарищи мнѣ Якова Генкеля, хорошо знакомаго съ мѣстностями. Тогда я, съ своей стороны, объявилъ, что, считая себя обязаннымъ исполнить приказаніе Его величества, я охотно отправился бы въ путь; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду опасности сего путешествія и то, что я легко могъ подвергнуться плѣну, я выразилъ желаніе, чтобы, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, я могъ смѣло полагаться на покровительство Е. В. — Г. фонъ Горнштейнъ взялся донести объ этомъ

Е. И. В., изъявившему на то свое согласіе, съ приказаніемъ упомянуть объ этомъ въ данной мнѣ инструкціи".

„7-го числа Станиславъ Хлопицкій и жидъ по имени Моисей присягали на вѣрность Е. И. В., въ моемъ присутствіи, предъ гг. Варѳоломеемъ Пецомъ и Даніиломъ Принцемъ".

„10-го Хлопицкій съ Моисеемъ выѣхали изъ Праги, взявъ съ собою знамя".

„19-го были мнѣ переданы инструкція и письмо".

„20-го я и Яковъ Генкель присягали Императору, по поводу сего путешествія и сдѣланнаго намъ порученія въ квартирѣ г. Пеца предъ нимъ и секретаремъ Іеронимомъ Арконацемъ".

„22-го получилъ я отъ придворнаго казначея Ивана Ритмана 8000 червонцевъ, для принесенія ихъ въ даръ запорожскому войску отъ имени Е. И. В.".

Сказавъ затѣмъ, что онъ выѣхалъ изъ Праги вмѣстѣ съ г. Вильгельмомъ фонъ Опперсдорфомъ, Лассота переходитъ къ описанію своего путешествія, совершеннаго имъ чрезъ Силезію, Моравію, Австрію, Венгрію и Галицію, при чемъ не ограничивается исчисленіемъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ онъ и гдѣ останавливался, но распространяется еще о своихъ наблюденіяхъ и приключеніяхъ, бывшихъ съ нимъ въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ. Такъ, сказавъ, между прочимъ, что онъ прибылъ 2 марта въ Шрейберсдорфъ и тамъ пробылъ 3 и 4 числа того же мѣсяца, онъ продолжаетъ:

„5-го я отправился въ дальнѣйшій путь къ Козакамъ и, взявъ съ собою дядю Николая Кохтицкаго и Ѳому Глуховскаго, прибылъ въ тотъ же день въ отстоящій отъ Шрейберсдорфа на 3 мили городъ Козель, который по-

добно замку принадлежалъ Вильгельму фонъ Опперсдорфу".

Затѣмъ, мы отъ него узнаемъ, что онъ засталъ въ Вѣнѣ назначеннаго ему въ товарищи Якова Генкеля; что 15 марта онъ имѣлъ честь лично представиться эрцгерцогу Максимиліану въ Нейштадтѣ, и что въ венгерскомъ мѣстечкѣ Моги или Махай, куда прибылъ онъ 2 апрѣля, засталъ главнокомандующаго въ Верхней Венгріи, г. Христофа фонъ Тейфенбаха.

„Такъ какъ здѣсь", говоритъ онъ, „много толковали о нашествіи Татаръ, но неизвѣстно было, откуда должно было послѣдовать это нашествіе,—чрезъ Подолію ли или же чрезъ Валахію, то я, не желая подвергать опасности довѣренную мнѣ сумму 8000 червонцевъ, передалъ ихъ подъ росписку, на храненіе г. фонъ Тейфенбаху".

Послѣ описанія дальнѣйшаго путешествія до 6 апрѣля, въ который Лассота добрался до города Кашау, въ дневникѣ читается слѣдующее:

„7-го я остановился тамъ (въ Кашау) въ нѣмецкой гостинницѣ. Подъ вечеръ пріѣхалъ сюда главнокомандующій и назначилъ мнѣ служителемъ Хорвата Иствена, котораго я взялъ съ собою и онъ состоялъ при мнѣ во все время моего путешествія отъ означеннаго мѣста до Днѣпра".

Наконецъ, сказавъ, подъ 13 апрѣля, что онъ изъ города Гродека, принадлежавшаго Жолкѣвскому, доѣхалъ еще до села Беркултова, далѣе продолжаетъ свой разсказъ такъ:

„14-го, до города Лемберга 2 мили. Тамъ остановился я у жены Хлопицкаго, который того же дня уѣхалъ было изъ дому, но къ вечеру возвратился, послѣ того, какъ я за нимъ послалъ. Въ Лембергѣ я оставался до 19 апрѣля".

„17-го, писалъ Е. И. В. и г. фонъ Тейфенбаху“.

„18-го, узнавши отъ Хлопицкаго, что безъ денегъ нельзя будетъ вступить въ переговоры съ Козаками, я послалъ Якова Генкеля обратно въ Венгрію къ главнокомандующему, за тѣми 8000 червонцами, которые я передалъ ему на храненіе“.

Все, доселѣ сказанное мною, извлечено изъ замѣтокъ дневника съ тою цѣлью, чтобы могли быть для насъ болѣе ясными тѣ мѣста того же дневника, которыя имѣютъ особенную важность по тѣмъ интереснымъ для насъ свѣдѣніямъ, какія авторъ дневника передаетъ намъ о внутреннемъ состояніи Юго-Западной Россіи въ то далекое время, касательно котораго все, говоря словами г. Срезневскаго (Запор. Старина, III, 94), покрыто непроницаемымъ туманомъ, а на письмѣ одни намеки... Притомъ, нижеслѣдующія, изъ того же дневника извлеченныя, извѣстія въ состояніи, сколько намъ кажется, пополнить и исправить то, что по другимъ источникамъ, до настоящаго времени, было обнародовано касательно дипломатическихъ сношеній Запорожцевъ съ австрійскимъ правительствомъ въ концѣ XVI столѣтія.

По этому я постараюсь далѣе привести собственныя слова автора въ полномъ, по возможности, и точномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, съ прибавленіемъ затѣмъ къ тексту нѣкоторыхъ моихъ примѣчаній, въ надеждѣ, что найдутся, быть можетъ, читатели, которые сочтутъ эти примѣчанія не лишними.

19-го (апрѣля 1594 г.) изъ Лемберга до селенія *Бѣлки* (Bielka), 3 мили.

20-го. *Глиняны*, городъ, окруженный стѣною и рвомъ, 2 мили „Bezek“ (Бузекъ или Белжецъ, влад. Белжецкихъ) село г. „Bezecze“ (?), 2 большія мили; тутъ позавтракалъ. Далѣе путь пролегалъ подъ горами съ правой стороны и мимо города *Олеско*, стоящаго въ долинѣ съ замкомъ на горѣ (1); 2 небольшія мили. *Суходоль*, село г. Жолкѣвскаго, 2 большія мили; въ одной милѣ оттуда лежатъ *Броды* (Brady), также г. Жолкѣвскаго.

21-го, чрезъ степи и поля до его же деревни *Пернетинъ*, 3 мили. Чрезъ дубовый лѣсъ, котораго достигли, миновавъ горы, до села *Почаева* (Puczaia), принадлежавшаго тогда одной вдовѣ (2), 2 мили; завтракъ. *Тараж* (Taras), деревня, 1 миля. По долинѣ, между горами, до села Дзвиняче (Zwinaltzet) 1 миля; затѣмъ, почти до *Вишневца*, 1 миля. Городъ этотъ, довольно большой, остался немного вправо; въ немъ замокъ, принадлежащій Вишневецкимъ (3). Протекающая чрезъ городъ рѣка Горынь раздѣляетъ его на двѣ части, изъ коихъ главная на сей сторонѣ. Отсюда до деревни, лежащей при переправѣ чрезъ Горынь, $^1/_2$ мили; Маневъ, село, $^1/_2$ мили.

22-го, не доѣзжая до *Ожоговца* (Oziowcze) 5 миль. Принадлежащій г. Збаражскому городъ съ замкомъ остается около мили вправо отъ дороги. Далѣе въ разстояніи 1 мили небольшой городокъ гг. Збаражскихъ *Кутьмь*, не за долго предъ тѣмъ преданный пламени Татарами. Онъ отстоитъ отъ *Базалій* (Basilia) на разстояніи одной только мили; *Бахотница*, село, 1 миля.

23-го, оставивъ въ сторонѣ, около мили вправо, принадлежавшій г. кіевскому воеводѣ городъ *Черный-Островъ*, прибыли въ *Миколаевъ*, небольшой городъ г. Сѣ-

нявскаго (Stienawski) сожженный Татарами, 2 мили. *Оркадіовецъ* (Orkadiowicze) деревня, 3 мили; завтракъ. Въ трехъ миляхъ оттуда лежитъ *Константиновъ*, большой городъ съ замкомъ кіевскаго воеводы, князя Острожскаго (Herzogen von Ostrow). Послѣ обѣда доѣхалъ до села *Маломорнеца*, $^1/_2$ мили. Отсюда чрезъ болото (gemösz) и рѣку Божекъ до города *Межибожа* (Mezibor-zecz), при той же рѣкѣ, около двухъ миль. Оставивъ его вправо и миновавъ находящійся влѣво отъ дороги городъ и замокъ *Пилавцы*, г. Пилавецкаго,—до деревни *Нижне-Пилавцы* (Nisse-Pilawczi) $^1/_2$ мили. *Остропольъ*, городъ князя Острожскаго, отстоитъ отсюда влѣво, на разстояніи трехъ миль.

24-го, до *Сѣнявы;* впрочемъ городъ этотъ, лежащій вмѣстѣ съ замкомъ при рѣкѣ Случи и принадлежащій г. Сѣнявскому, оставался влѣво, немного въ сторонѣ, на разстояніи 1 мили. *Новое-мѣсто* (Nove miesto), неукрѣпленный городъ г. Сѣнявскаго, при рѣчкѣ Икавѣ, 1 м. *Хмѣльникъ*, большой королевскій городъ при Случи: оставивъ городъ этотъ, гдѣ тогда стоялъ Жолкѣвскій, главнокомандующій или гетманъ напольный (Heyttman Polny) какъ его называютъ Поляки, вправо на разстояніи большой полумили, дошли мы чрезъ дубовый лѣсъ, до большаго города *Пикова* (Pikawa), окруженнаго заборомъ, съ замкомъ, и принадлежащаго одному господину изъ Литовцевъ, 3 мили.

25-го, до деревни „Holecki“, 1 миля; *Прилуки*, замокъ и большой, новый, окруженный заборомъ, городъ г. Збаражскаго, съ 4,000 домами (fewerstädten, очагами) при рѣчкѣ Десницѣ, 3 мили. *Nota:* Городъ этотъ лежитъ въ обширной и весьма плодородной равнинѣ, гдѣ разбросано

большое число странныхъ домовъ съ амбразурами (mitt schieszlöchern), въ которыхъ крестьяне, въ случаѣ внезапнаго нападенія Татаръ, спасаются и находятъ для себя защиту; но такъ какъ этимъ нападеніямъ они подвергаются очень часто, то каждый изъ нихъ, отправляясь въ поле, несетъ на плечахъ свое ружье (Handtrohr) и прицѣпляетъ къ боку саблю или тесакъ.

26-го, тамъ остановились.

27-го, Хлопицкій отправилъ двухъ козаковъ, Егора (Kehor) „Bialyzis“'а и Аннибала, съ письмами отъ императора и отъ себя въ Валахію (т. е. Молдавію) къ воеводѣ или господарю Аарону. Въ тотъ же день достигли новаго и довольно большаго города *Погребища*, лежащаго подъ горою при рѣкѣ Роси и принадлежащаго г. Збаражскому, 5 миль. Дорога сюда ровная и пролегаетъ на половину лѣсомъ и на половину полемъ; по ней вовсе не встрѣчаются деревни.

28-го, по мосту чрезъ Рось, 1 миля; по другому—чрезъ Орѣхатицу, 1 миля, до новой деревни при Роси, 2 мили съ половиною; завтракъ. Затѣмъ, снова чрезъ рѣчку, при которой стоитъ мельница, до моста чрезъ Володарку, 1 миля. До *Розволжья* (Rozwelcze), новаго города и замка Збаражскаго, при рѣкѣ Роси, изливающейся въ Днѣпръ, недалеко отъ Черкасъ, $^1/_2$ мили. Тутъ (4) находились тогда отправленные къ Хлопицкому запорожскіе посланники Тихонъ и Семенъ „Ruczka“, которые подтвердили извѣстіе, сообщенное еще прежде Биновскимъ о тысячѣ человѣкъ, отправленныхъ Запорожцами отъ имени императора на 40 челнахъ для новыхъ поисковъ.

29-го, дневка.

30-го, чрезъ рѣчку „Beressna“ $^1/_2$ мили; чрезъ рѣчку

Сквиру (Zwira) $^1/_2$; *Ростовецъ* 1 миля; завтракъ. Оттуда до села *Паволоча* (Poloweczka) 1 миля, а въ сторонѣ остается въ двухъ миляхъ на право *Бѣлая-церковь*, новый королевскій городъ, гдѣ былъ старостою князь Янушъ (Ярошъ) Острожскій (Herzog Ianus von Ostrow); село *Ротулка*, 2 мили. Отсюда чрезъ Каменицу 1 миля, до *Хвастова* или *Новаго-Верещина*, новаго города при Унавѣ, принадлежащаго кіевскому епископу г. Іосифу Верещиньскому (1588—99; Niesecki, X, 76, изд. 1845 г.), котораго тамъ застали мы и три раза его посѣщали. Въ Хвастовѣ мы остались до 4 мая.

2-го мая Семенъ Ручка (Ruczka) отправился обратно въ Запорожье, а Тихонъ остался съ нами.

3-го, я отправилъ своего служителя, Ѳому Глуховскаго, на встрѣчу Якову Генкелю; въ тотъ же день управляющій въ Родволжьѣ Мармолѣевъ писалъ Тихону и передавалъ ему какъ достовѣрное извѣстіе, что Козаки, отправившись въ море, овладѣли турецкимъ городомъ Бѣлгородомъ, лежащимъ при устьѣ Днѣстра, впадающаго въ Черное море, разграбили его и предали пламени (5); но нападеніе ихъ на крѣпость было безуспѣшно.

4-го, *Снятинка* (Snalinka), небольшой городъ Верещиньскаго, основанный въ послѣднее время, 1 миля; завтракъ. *Васильковъ*, городокъ, окруженный заборомъ, съ замкомъ, принадлежащимъ кіевскому митрополиту, при рѣкѣ Стугнѣ, изливающейся въ Днѣпръ, около мили выше Триполя, 3 мили.

5-го, *Ходбъковъ*, небольшая деревня съ мельницею; тамъ, позавтракавъ у кіевскаго армянина Мануила, переправились мы чрезъ Стугну, 1 миля. Тутъ снова начинается сосновый лѣсъ, котораго не видать было съ окре-

стностей Прилукъ и даже немного прежде. Оттуда, чрезъ такой же лѣсъ, до мельницы и деревни, еще строющейся, 1 миля. До села *Обухова*, гдѣ почва начинаетъ возвышаться, 1 миля, и затѣмъ еще миля до города *Триполя* съ замкомъ, принадлежащимъ дворянину Дидко.

6-го, не заставъ въ Триполѣ челна, я съ Тихономъ продолжалъ свой путь къ Кіеву на колесахъ (auf Koleszen, т. е. на телегѣ; ср. Даль, Т. Слов. s. v.); но, не могши ѣхать прямою дорогою, по случаю разлитія водъ, возвратились мы въ Обуховъ и оттуда поѣхали въ Ходбѣковъ къ армянину Мануилу, у котораго я купилъ двѣ бочки муки и два мѣшка крупы (Prain). Затѣмъ, позавтракавши, мимо Василькова, оставшагося на лѣвой сторонѣ въ полумилѣ, проѣхали еще порядочныхъ 5 миль до Кіева.

7-го, 8-го и 9-го тамъ оставался, остановившись у Пракеки (bey dem Prakeka).

Кіевъ нѣкогда былъ главнымъ городомъ особеннаго княжества, коего владѣтели, имѣвшіе титулъ царей или князей, были изъ роду нынѣшнихъ князей русскихъ или московскихъ. Городъ этотъ весьма обширенъ, укрѣпленъ и былъ украшенъ прекрасными церквами и зданіями, tam publicis quam privatis, какъ можно нынѣ еще замѣтить по древнимъ развалинамъ и по стѣнѣ, построенной на высотахъ, окружающихъ его, и простиравшейся, какъ говорятъ, на девять миль. Главнымъ же украшеніемъ Кіева была великолѣпная церковь св. Софіи, не имѣвшая, какъ говорятъ, равной себѣ по громадности; она построена царемъ Владиміромъ, по образцу Софіевской церкви, находящейся въ Константинополѣ. Хотя пришла она въ ветхость, тѣмъ не менѣе нынѣ еще utcun-

que сохранилась. Верхніе своды, въ особенности по серединѣ, мозаичной работы; полъ устланъ красивыми разноцвѣтными камешками, на хорахъ сдѣланы прислоны (перила) между столбами изъ большихъ плитъ синяго прозрачнаго камня. Въ одной изъ этихъ плитъ, какъ разъ надъ алтаремъ, продѣлано круглое отверстіе, вышиною въ половину локтя, но теперь замазано известью. Говорятъ, что тутъ въ старину находилось зеркало, въ которомъ, посредствомъ магическаго искусства, можно было видѣть все, о чемъ думали, хотя бы даже это происходило на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Когда разъ кіевскій царь выступилъ въ походъ противъ язычниковъ и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрѣла въ зеркало, чтобы узнать, что съ нимъ случилось и чѣмъ онъ былъ занятъ. Но, увидѣвши однажды его любовную связь съ плѣнницею изъ язычниковъ, она въ гнѣвѣ разбила самое зеркало, „sit fides penes Authorem“. Затѣмъ еще въ верхней части церкви находится темная комната, въ которой Владиміръ будто бы велѣлъ замуровать одну изъ своихъ женъ; далѣе (item) отъ хоровъ ведетъ витая лѣстница къ небольшой башнѣ, гдѣ, какъ говорятъ, происходили засѣданія совѣта Владиміра. Эта т. н. „Stolicza“ Владиміра есть небольшая свѣтлая комната. Въ церкви этой показываютъ еще гробницу княгини Ольги (Juulza), матери Mutter), вмѣсто Grossmutter, бабушка) Владиміра; item—въ деревянномъ гробѣ тѣло митрополита, казненнаго Татарами (6), которое сохранилось въ цѣлости, въ чемъ я лично убѣдился, потому что чрезъ полотняный платъ, его покрывавшій, я дотрогивался до его руки и головы. Еще показываютъ склепъ, гдѣ въ желѣзномъ гробу похороне-

на царская дочь, а въ часовнѣ (in einer Capellen, вѣроятно въ придѣлѣ церкви) находится гробница князя Ярослава Владиміровича (7) и его супруги, изъ прекраснаго бѣлаго алебастра. Памятникъ этотъ вышиною въ ростъ человѣка, еще уцѣлѣвшій, имѣетъ почти такой видъ (вѣроятно тутъ былъ приложенъ рисунокъ въ рукописи). Въ другомъ придѣлѣ церкви (in einer anderen Capellen an der Kirchen ausserhalb) была гробница Илыи Муромца (Eliae Morowlin), знаменитаго героя или богатыря (Bohater), о которомъ разсказываютъ много басень (8). Гробница его нынѣ разрушена, но въ томъ же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища.

Внѣ церкви показываютъ мѣсто, гдѣ покоятся ея строители, но памятниковъ надъ ними нѣтъ. Недалеко отъ св. Софіи находилась церковь св. Екатерины, отъ которой сохранился только отломокъ стѣны (9). Видны также развалины прекрасныхъ воротъ, названныхъ по свидѣтельству однихъ золотыми, по другимъ желѣзными (10). Памятникъ этотъ, служащій еще вратами, судя потому, что донынѣ сохранилось отъ него, долженъ былъ быть весьма великолѣпенъ. Изъ числа другихъ древнихъ зданій сохранилась одна только церковь св. Михаила, стоящая также на возвышенности. Надъ срединою этого прекраснаго здапія возвышается круглая башня съ вызолоченною крышею; хоры на внутренней сторонѣ украшены мусіею, а полъ вымощенъ маленькими цвѣтными камушками. На лѣвой сторонѣ отъ дверей, ведущихъ въ главный алтарь, покоятся въ деревянномъ гробѣ смертные останки св. дѣвы Варвары, царской дочери, имѣвшей около 12 лѣтъ отъ роду, какъ казалось, судя по ея росту (11). Тѣло ея цѣло и все покрыто тонкимъ полотномъ, за ис-

ключеніемъ ногъ, къ которымъ я прикасался и нашелъ ихъ совершенно крѣпкими и цѣлыми. На голову ея возложена деревянная вызолоченная корона. Въ этой мѣстности, которую занималъ старый городъ, нынѣ почти нѣтъ домовъ; нынѣшній же городъ расположенъ въ долинѣ на правомъ берегу Днѣпра и занимаетъ довольно большое пространство, вслѣдствіе того, что почти при каждомъ домѣ имѣется садъ. Тутъ много русскихъ церквей; всѣ онѣ деревянныя, кромѣ одной каменной, стоящей на площади. Кіевъ считается и римскою епископіею; но католическая соборная церковь (Thumbkirchen) незавидна и деревянна. Въ немъ живутъ и Армяне, которые хотя не слишкомъ зажиточны, но также имѣютъ свои церкви. Замокъ лежитъ на прилегающей къ городу горѣ и весьма обширенъ, но не каменный, а деревянный и только оштукатуренный.

Въ одной четверти мили отъ города, внизъ по Днѣпру, на горѣ находится *Печерскій монастырь*, въ которомъ живетъ русскій митрополитъ, съ своимъ соборомъ (Convent) изъ монаховъ, называемыхъ Чернецами. Церковь этого монастыря каменная, красивая; въ ней показываютъ прекрасную мраморную гробницу отца нынѣшняго стараго кіевскаго воеводы, князя Константина Острожскаго(12), который былъ храбрымъ воиномъ. Надпись на ней русская. Тамъ, у стѣны, устроенъ каменный, оштукатуренный склепъ, въ которомъ покоятся предки нынѣшняго великаго князя московскаго: ибо, какъ говорятъ, прежніе князья кіевскіе и предки сказаннаго великаго князя принадлежатъ къ одному и тому же роду. Отъ этого монастыря тянется внизъ по горѣ садъ съ большою ямою или пещерою, прорытою въ глиняной горѣ, съ ходами,

изъ которыхъ одни вышиною въ ростъ человѣка и болѣе; другіе же столь низки, что въ нихъ человѣку нельзя прямо стоять, а ширина ихъ такова, что два человѣка могутъ проходить въ нихъ одинъ мимо другаго. Въ старину былъ обычай погребать здѣсь усопшихъ, тѣла которыхъ, тутъ лежащія, по большей части остаются еще нетлѣнны. Къ числу многихъ почивающихъ здѣсь и мною видѣнныхъ принадлежатъ, между прочими: св. Діонисій (Лассота пишетъ Sanct Denis, т. е. св. Денисъ, и потому безошибочно прибавляетъ въ скобкахъ: credo quod sit Dionisius), св. Алексѣй, св. Маркъ (Л. тутъ считаетъ нужнымъ прибавить снова въ скобкахъ: но не Евангелистъ, хотя, вѣроятно, самъ не зналъ, что видѣлъ мощи преподобн. Марка, умерш. въ 1102 году). Item, великанъ и богатырь, названный Чоботкомъ (Czobotka), на котораго, какъ говорятъ, когда то внезапно напали непріятели какъ разъ тогда, когда онъ надѣлъ было одинъ изъ сапоговъ своихъ. Не имѣя подъ рукой другаго оружія, онъ въ то время оборонялся отъ нихъ другимъ сапогомъ, еще не надѣтымъ, и перебилъ имъ всѣхъ своихъ враговъ, почему и былъ названъ Чоботкомъ (см. выше р. 16 и прим. 8). Еще лежатъ тамъ въ каменномъ гробѣ два мужа, которые, когда были въ живыхъ, условились, какъ говорятъ, избрать для себя общую обоимъ гробницу, съ опредѣленіемъ стороны, на которой каждому изъ нихъ приходилось въ ней лежать. Когда же одинъ изъ нихъ, уѣхавшій на время, возвратился и узналъ о смерти своего товарища, послѣдовавшей за три года предъ тѣмъ, то, пришедши ко гробу сего послѣдняго и замѣтивши, что тотъ лежитъ не на условленной для него сторонѣ, потребовалъ, чтобы умершій его товарищъ подвинулся на свое

мѣсто, что́ сей, дѣйствительно, и исполнилъ, и тогда этотъ, живой еще товарищъ его, легъ возлѣ мертваго, тутъ же скончался и понынѣ лежатъ они здѣсь оба. Далѣе можно видѣть длинное узкое корыто съ тѣломъ, приплывшимъ въ немъ по теченію Днѣпра изъ Смоленска и здѣсь остановившимся; Item 12 строителей монастыря и также человѣка, который, пораженный предъ Кіевомъ выстрѣломъ изъ большаго орудія, добрался до этого мѣста, гдѣ немедленно скончался и былъ погребенъ. Item противъ головы Чоботки лежатъ отецъ и сынъ; оба очень большаго роста; волоса и борода у нихъ еще видны. Въ этой пещерѣ два алтаря, въ которыхъ служатъ обѣдни по субботамъ. Подъ заднимъ изъ этихъ алтарей обрушилась земля по слѣдующему, какъ разсказываютъ, случаю. Однажды св. Антоній, принадлежавшій къ числу чернецовъ этого монастыря, созвалъ всѣхъ своихъ собратій, долго съ ними бесѣдовалъ и послѣ увѣщаній своихъ, побуждавшихъ ихъ въ особенности къ братскому согласію, простился съ ними. Когда онъ затѣмъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ стоитъ упомянутый алтарь, то произошла въ землѣ эта трещина, отдѣлившая его отъ нихъ. Желая отыскать его, они начали рыть землю въ этомъ мѣстѣ, но вспыхнувшій огонь прогналъ ихъ оттуда; когда же потомъ они разрыли землю немного лѣвѣе, то изъ этого мѣста полилась вода съ такою силою, что могла бы потопить ихъ, если бы они продолжали рыть землю. И нынѣ еще можно хорошо видѣть, съ какою силою дѣйствовала здѣсь вода. Противъ того же алтаря стоитъ деревянный столбъ во всю высоту пещеры, такой толщины, что человѣкъ можетъ обнять его руками. Разсказываютъ, что человѣкъ, страждущій тяжкою болѣзнію, излѣчивается,

если, бывъ привязанъ къ этому столбу, проведетъ ночь въ такомъ положеніи. Въ этой пещерѣ находится еще, какъ говорятъ, тѣло, изъ руки и зуба котораго ежегодно вытекаетъ нѣсколько капель масла въ стаканы, которые постоянно стоятъ подъ ними, и масло это считается также полезнымъ во многихъ случаяхъ. Но проводникъ мой забылъ меня привести къ этому тѣлу. При посѣщеніи сказанныхъ пещеръ слѣдуетъ непремѣнно запастись восковою свѣчкою, чтобы не сбиться съ пути въ ихъ темныхъ ходахъ. Въ числѣ этихъ ходовъ и разсѣлинъ есть и такіе, которые задѣлываются или поддерживаются деревянными подпорами, для предупрежденія ихъ разрушенія. Входъ въ пещеры огороженъ почти такъ же, какъ это дѣлается со сводами въ рудникахъ.

10-го мая, внизъ по Днѣпру, до *Триполя*, 6 миль. Передъ тѣмъ былъ я въ печерскомъ монастырѣ и осматривалъ церковь его и пещеры. Dito, воротился Аннибалъ изъ Валахіи съ отвѣтами императору и Хлопицкому.

11-го, внизъ по Днѣпру до *Ржищева*, города, обнесеннаго заборомъ и принадлежащаго вмѣстѣ съ замкомъ господину Юрію (Jeros) Халецкому; 4 мили.

13-го. Хлопицкій отправился къ войску Запорожскому.

18-го, Служитель мой Глуховскій возвратился и донесъ мнѣ, что Яковъ Генкель прибылъ въ Прилуки съ 8,000 червонцевъ и ожидаетъ моего рѣшенія.

19-го, Тихонъ съ нѣкоторыми другими отправляется отсюда въ Прилуки, для того, чтобы проводить сюда Генкеля, къ которому я снова посылаю Глуховскаго.

26-го, прибытіе во Ржищевъ господина Якова Генкеля съ деньгами.

28-го, прибыло въ Ржищевъ нѣсколько польскихъ шляхтичей (von Adel) или воиновъ, которые въ своихъ квартирахъ вели столь странныя рѣчи, что давали намъ поводъ опасаться потери нашихъ денегъ. По этому мы условились отправиться въ путь внизъ по Днѣпру на слѣдующій же день, не смотря на то, что это былъ торжественный праздникъ.

29-го, въ Воскресеніе Троицы, я отправилъ Горвата Иствана съ письмами къ Е. И. В. и къ полководцу фонъ-Тейфенбаху, а затѣмъ, подъ вечеръ, оставилъ Ржищевъ и поѣхалъ Днѣпромъ внизъ до *Ходорова* (Chorderka), деревни г. Андрея (Iondrzen) Халецкаго, 2 мили.

30-го, до *Трахтемирова*, городка еще строющагося и переданнаго королемъ Стефаномъ Запорожскимъ козакамъ для устройства гошпиталя. Тамъ позавтракали у тамошняго управляющаго Яна Осовскаго. Противъ Трахтемирова, на другой, лѣвой сторонѣ Днѣпра, на разстояніи мили отъ него, лежитъ *Переяславъ*, большой городъ воеводы волынскаго князя Острожскаго Александра—между двумя рѣками, Трубежомъ и Супоемъ (Suvai), здѣсь сливающимися въ одну рѣку, которая, подъ именемъ Трубежа, течетъ еще одну милю до впаденія въ Днѣпръ (13). Послѣ обѣда до *Канева*, города королевскаго староства Черкасскаго, лежащаго на правомъ берегу Днѣпра, на смежной съ нимъ высокой горѣ, 3 мили. Выше города, въ одной четверти мили отъ него, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Каневка.

31-го мая, до того мѣста, гдѣ рѣка Рось изливается въ Днѣпръ съ правой стороны его, 2 мили; затѣмъ проѣхали еще 2 мили мимо *Домонтова*, городка и замка князя Домонта (Domunth), лежащаго на разстояніи мили

отъ лѣваго берега. Недалеко отсюда, ниже по теченію Днѣпра, находится островъ, на которомъ мы позавтракали. Затѣмъ, менѣе полумили до того мѣста, противъ котораго изливается въ Днѣпръ, съ правой стороны его, рѣчка Мошна. При этой рѣчкѣ на разстояніи одной мили отъ устья ея лежитъ принадлежащій Вишневецкому городокъ Мошна; до устья Свидовки (Svidocho), притока Днѣпра съ правой стороны, 2 мили; до *Черкасъ*, города королевскаго и староства, 1 миля. Городъ этотъ лежитъ на правомъ берегу Днѣпра, занимая какъ низменную, такъ и возвышенную часть этого берега и соединяясь съ тою частію, на которой находится замокъ, деревяннымъ мостомъ. Затѣмъ, до находящагося на правомъ берегу рѣки лѣса, въ которомъ мы переночевали, 1 миля. *Nota.* За Каневомъ, на разстояніи мили, правый берегъ Днѣпра возвышается и остается высокимъ до Черкасъ и еще далѣе на пространствѣ одной мили; затѣмъ снова понижается.

1-го іюня, до острова, прилегающаго къ лѣвому берегу Днѣпра и находящагося насупротивъ *Бѣлобережья*, расположеннаго на правомъ берегу этой рѣки, гдѣ устроена переправа черезъ нее. Въ двухъ миляхъ отсюда лежитъ, внутри края, при рѣкѣ Тясминъ, новый королевскій городъ *Чигиринъ* (Zuerin), принадлежащій къ корсунскому старосту.

2-го іюня, до того мѣста, гдѣ Сула изливается въ Днѣпръ съ лѣвой стороны его, 2мили. Рѣка эта течетъ изъ Московіи (Moschkaw); при ней, въ 8 миляхъ вверхъ по ея теченію, лежатъ Лубны, городъ и замокъ принадлежащіе Вишневецкимъ. Оттуда двѣ мили до московской границы. Затѣмъ до острова, находящагося у лѣваго берега Днѣпра,

не въ дальнемъ разстояніи отъ горъ, называемыхъ *Пива*, (подлѣ сел. Недогарки см. к. Riccі Zann), 2 мили; тамъ позавтракали мы и затѣмъ дошли до устья Тясмина, притока Днѣпра съ правой стороны. Nota: за Тясминомъ, внутри края, до самыхъ пороговъ Днѣпра, поднимается безпрерывный рядъ холмовъ, съ большимъ числомъ Tumuli, называемыхъ здѣсь могилами; самъ же берегъ Днѣпра не высокъ. Пройдя далѣе полумилю, мы встрѣтили старую татарскую церковь на холмѣ, откуда пол-мили до *Кременчуга*, гдѣ сохранились слѣды (14) стараго замка подъ именемъ городища. Осмотрѣвши эту мѣстность, прошли еще милю до устья рѣки Псла, притока Днѣпра съ лѣвой стороны, текущей также изъ Московіи; немного ниже переночевали на островѣ, возлѣ праваго берега рѣки.

3-го, до другаго острова, $4^1/_2$ м. Тамъ засталъ я московскаго посланника Василія Никифоровича, отправленнаго (15) великимъ княземъ къ запорожскому войску съ дарами и прибывшаго внизъ по Пслу съ свитою козаковъ. Позавтракавши, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ и узналъ отъ него, что его государь въ случаѣ продолженія войны, былъ готовъ помогать Е. И. В., что онъ не запрещаетъ запорожскимъ козакамъ, состоявшимъ въ его службѣ, вступить въ службу Е. И. В., и что онъ, не смотря на то, наградитъ ихъ и съ своей стороны. Побесѣдовавъ, мы сѣли на судно и съ тѣхъ поръ не разлучались до прибытія въ самый лагерь. Въ тотъ же день мы проѣхали мимо отстоявшей на пол-мили мѣстности, гдѣ Днѣпръ принимаетъ, съ лѣвой стороны, текущую изъ Московіи рѣку Ворсклу, а также миновали устье Орели, которая, вытекая оттуда же, впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, ниже въ трехъ миляхъ.

Отсюда 4 мили до острова, лежащаго подлѣ лѣваго берега Днѣпра, гдѣ мы завтракали. Отправившись далѣе, мы были настигнуты сильною бурею, съ дождемъ и грозою и потому должны были, проплывъ одну милю, пристать къ острову, находящемуся у лѣваго берега Днѣпра, и ночевали недалеко отъ того мѣста, гдѣ Днѣпръ принимаетъ съ лѣвой стороны, вытекающую изъ татарской степи, рѣку Самару. Нынѣ тутъ граница Татаріи съ лѣвой стороны Днѣпра, а правую сторону Татары нѣкогда занимали до Тясмина, но вслѣдствіе сопротивленія козаковъ должны были оставить.

5-го, до острова, лежащаго передъ порогами, который названъ *Князевымъ* (Kniazi), 1 миля. Не осмѣливаясь, по случаю непогоды, плыть далѣе, мы здѣсь провели ночь. Nota: Пороги--это пучины (Strudl) или скалистыя мѣстности, гдѣ Днѣпръ во всю ширину свою запруженъ камнями и скалами, которыя отчасти находятся подъ водою или на уровнѣ ея, отчасти же поднимаются высоко надъ водой, почему и дѣлаютъ плаваніе по этой рѣкѣ весьма опаснымъ, особенно во время мелководія. Тогда люди въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ или выходятъ на берегъ и оттуда удерживаютъ судно длинными канатами, либо веревками, или, оставаясь сами въ водѣ, переносятъ судно поверхъ острыхъ камней, осторожно спуская его затѣмъ снова въ воду. Но тѣ, которые удерживаютъ судно канатами, не должны терять изъ виду тѣхъ, которые тянутъ канаты и спускаютъ судно, иначе оно легко можетъ удариться и разбиться. Такихъ мѣстъ, на протяженіи семи миль, считаютъ 12, или, если къ нимъ причислить Воронову забору, 13. Они будутъ поименованы ниже. Такъ какъ козаки имѣютъ свои жилища ниже этихъ пороговъ,

то поэтому они называются Запорожцами, т. е. обитающими за порогами или камнями (Porogen oder Steinen).

6-го, мы отправились къ порогамъ и до обѣда миновали первые шесть пороговъ. У перваго порога, *Кудацкаго*, мы пристали къ правому берегу; у втораго, названнаго *Сурскимъ*—къ острову, насупротивъ праваго берега, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Сура впадаетъ въ Днѣпръ. У третьяго порога, *Лоханскаго*, мы также пристали къ правому берегу, и, переправившись поверхъ четвертаго—*Стрѣльчаго*, пристали къ высокой скалѣ у пятаго порога, *Звонецкаго* (16). Оставивъ на правой сторонѣ шестой порогъ, *Княгининъ*, и объѣхавъ его слѣва, мы затѣмъ завтракали на Княгининомъ островѣ. Послѣ обѣда мы перебрались чрезъ седьмой порогъ *Ненасытецкій* (Novosyri), остановившись сначала и долго промедливши предъ нимъ на татарской сторонѣ, такъ какъ этотъ порогъ весьма опасенъ и великъ. Кромѣ того, мѣстность эта подвержена опасностямъ еще вслѣдствіе набѣговъ Татаръ: такъ они, тому назадъ три недѣли, напали на двѣнадцать хуторянъ (Land-Kosaken), намѣревавшихся спуститься внизъ, и убили ихъ. Вотъ почему мы послали на возвышенное мѣсто сторожей, которые дали намъ знать, что вдали показались четыре Татарина. Тогда мы отрядили къ этимъ сторожамъ еще двадцать человѣкъ изъ плывшихъ съ нами, а остальные, опасаясь засады, готовились къ оборонѣ. Татары, замѣтивъ это и видя нашу силу, послѣ этого разбѣжались и скрылись. Ночь провели мы на небольшомъ островѣ, въ недальнемъ разстояніи позади порога.

7-го іюня, проѣхали мы чрезъ восьмой порогъ или *Воронову забору* (17), послѣ чего то̀ изъ нашихъ суденъ,

на которомъ находились Андрей Затурскій, Янъ Аннибалъ и одинъ „Oscyki“ (18), сѣло на камень и разбилось. Хотя они были спасены лодочками (beischifflein), называемыми подъѣздками (Podgizdeki), но потеряли всѣ свои вещи. N. Къ числу 12 пороговъ это опасное мѣсто обыкновенно не причисляется. У девятаго порога, *Вовнизскаго* (Wewnich), мы пристали къ берегу и перенесли мимо него наши вещи.

Переправившись чрезъ десятый порогъ, *Будильскій*, мы остановились на лѣвой татарской сторонѣ и тамъ позавтракали. Въ настоящее время тутъ главная переправа даже за островъ *Таволжанскій* (Towal-Zani), такъ какъ Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ не развѣтвляется и не очень широкъ. Тамъ мы видѣли большое число маленькихъ татарскихъ лодокъ изъ плетенаго хвороста, обтянутыхъ свѣжею кожею. При этомъ порогѣ находилось тогда около 400 козаковъ, которые, вытащивъ свои небольшія судна или челны (Czolnen) на правый берегъ, сами скрылись въ кустахъ и кустарникахъ (Streuchen und Rüschen). Они были туда посланы изъ лагеря противъ Татаръ, изъ опасенія, что послѣдніе, или часть ихъ, могли покушаться переправиться тутъ чрезъ рѣку. Одинадцатый порогъ — *Таволжанскій*, мы объѣхали слѣва, оставивъ его на правой сторонѣ; чрезъ двѣнадцатый, *Личный* (Lirzani, опечатка, вмѣсто Liczani) свободно проѣхали. У тринадцатаго, *Вольнаго*, приставъ къ лѣвой, татарской сторонѣ, мы наткнулись на камень, но, къ счастію, судно ударилось своимъ, хорошо укрѣпленнымъ (so wohl verwahret) носомъ. При этомъ порогѣ изливается въ Днѣпръ рѣчка Вольненка (Wolna). Тутъ прекращаются пороги и отъ перваго изъ нихъ до этого мѣста 7 миль, а затѣмъ до *Кичкасъ* (Kucz-

kossow) $1^1/_2$ мили. Здѣсь также татарская переправа. Берега Днѣпра, который тутъ не широкъ, скалисты и весьма высоки, особенно съ лѣвой стороны его. Въ полумилѣ ниже находится прекрасный, высокій и пріютный островъ *Хортица*, имѣющій въ длину двѣ мили и раздѣляющій Днѣпръ на двѣ ровныя части. На этомъ островѣ мы переночевали; козаки имѣютъ привычку держать тамъ своихъ лошадей въ зимнее время. Подъ вечеръ, упомянутые выше козаки, которые, числомъ до 400, составляли стражу противъ Татаръ у Будильскаго порога, присоединились къ намъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нами отправились въ станъ (felgläder т. е. сѣчь).

8-го, до острова возлѣ *Бѣлогорья* (Bialogura, нынѣ Бѣленка г. Миклашевскаго, которому принадлежитъ и часть острова другая—графа Канкрина) $3^1/_2$ мили. Тамъ мы позавтракали. Отсюда, до другаго острова, 5 миль съ половиною.

9-го, до острова *Базавлукъ* (19), при рукавѣ Днѣпра у *Чертомлыка* (Dortomlek), или, какъ они выражаются, при чертомлыкскомъ Днѣприщѣ (dartimleczkim Neprisszie), около 2 миль. Здѣсь находилась тогда сѣчь козаковъ, которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій. Потомъ они проводили насъ въ коло (20), которому мы просили передать, что намъ было весьма пріятно застать тамошнее рыцарское товарищество въ полномъ здравіи. Но такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, т. е. 30 мая, гетманъ (Haubtman) Богданъ Микошинскій (Mikossinski) отправился къ морю съ 50 галерами (Galeen) и 1300 человѣкъ, то мы желали отложить передачу

своего порученія до возвращенія гетмана и его сподвижниковъ, пока все войско (Kriegsvolckh) не будетъ на мѣстѣ. Они на это согласились и помѣстили насъ въ шалашахъ (hütten), называемыхъ ими кошами (Koczen), которые сдѣланы изъ хвороста и покрыты, для защиты отъ дождя, лошадиными кожами (21).

Только 18-го іюня гетманъ съ своими людьми возвратился въ сѣчь изъ рѣчнаго похода. Онъ засталъ Татаръ при Очаковской переправѣ и имѣлъ съ ними двѣ стычки, первую на водѣ, а вторую на сушѣ, гдѣ взяли они въ плѣнъ раненаго въ ногу знатнаго Татарина изъ царскихъ придворныхъ, по имени Беляка (Bellek). Но такъ какъ военныя силы, посланныя Турками на помощь Татарамъ, были слишкомъ велики, а именно состояли изъ 8 галеръ, 15 каравелъ и 150 сандаловъ (22), то козаки принуждены были отступить и не могли препятствовать ихъ переправѣ.

Чрезъ посредство переводчика, я распрашивалъ Беляка о силѣ и планахъ Татаръ и получилъ въ отвѣтъ, что царь выступилъ въ походъ съ двумя царевичами и 80,000 человѣкъ, но между ними вооруженныхъ и способныхъ къ военному дѣлу было не много болѣе 20,000, и что они должны были немедленно выступить въ Венгрію, и идти туда, нигдѣ не останавливаясь. Я узналъ также, что въ Перекопской ордѣ оставалось не много болѣе 15,000 человѣкъ, что царь, узнавъ еще дома до своего выѣзда, что дѣйствія Турокъ противъ императорскаго войска въ Венгріи не были удачны, уже по этой причинѣ весьма неохотно выступилъ въ походъ.

19-го іюня, утромъ, посѣтилъ насъ гетманъ, въ сообществѣ нѣкоторыхъ изъ главныхъ лицъ и затѣмъ, въ свою

очередь, принялъ насъ у себя. Послѣ обѣда они выслушали московскаго посланника, который, при передачѣ даровъ завелъ рѣчь въ публичномъ собраніи (offentlich in Kolo) и о томъ, о чемъ мы еще на пути условились. Впрочемъ, еще до этого, гетманъ обратился къ намъ изъ кола съ извиненіемъ, чтобы мы не поставили имъ во зло того, что московскому посланнику они даютъ аудіенцію прежде чѣмъ намъ, сказавъ при этомъ, что имъ хорошо извѣстно, что Е. И. В. занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ христіанскихъ монарховъ, и что поэтому имъ слѣдовало бы выслушать прежде его посланника; но что имъ казалось кстати выслушать предварительно московскаго посланника, въ томъ предположеніи и даже, отчасти, въ той увѣренности, что Москвичъ, (Moschkowitter) въ своихъ переговорахъ съ ними, не умолчалъ-бы и о дѣлѣ Е. И. В.

20-го іюня, мы имѣли аудіенцію и письменно представили въ колѣ наше порученіе (Werbung, вербованіе).

Попросивши насъ снова выдти, они выслушали публичное чтеніе нашей грамоты и потребовали, чтобы каждый высказалъ о ней свое мнѣніе. Когда же, послѣ двукратнаго предложенія гетмана, продолжалось молчаніе, то они, какъ это у нихъ водится въ важныхъ дѣлахъ, раздѣлились и образовали два кола: одно для начальниковъ, другое для простаго народа, называемаго у нихъ чернью (Czerna). Послѣ долгихъ преній, чернь изъявила свое согласіе съ обычнымъ крикомъ (mit ihrer gewehnlichen acclamation) на вступленіе въ службу къ Е. И. В., и въ знакъ этого бросили шляпу вверхъ. Тогда толпа немедленно побѣжала къ другому колу, къ начальникамъ, и грозила бросить въ воду и утопить тѣхъ изъ нихъ, кто съ ними не согласится. Начальники не смѣли имъ проти-

виться, потому что чернь (которая сильнѣе и могущественнѣе ихъ), прійдя въ ярость (furi), не терпитъ противорѣчія, а только требовали, чтобы переговорить имъ съ нами касательно условій. Избравъ для этого 20 депутатовъ, они снова пригласили насъ въ коло.

Среди большаго кола, эти депутаты, сидя на землѣ, образовали снова малое коло и, послѣ многихъ совѣщаній, просили насъ присѣсть къ нимъ, что нами и было сдѣлано. Тогда они объявили намъ свою готовность служить Е. И. В., не щадя на этой службѣ своей жизни. Они не отказались также двинуться въ Валахію и, переправившись чрезъ Дунай, вторгнуться въ Турцію, только утверждали, что при этомъ встрѣтились бы имъ непреодолимыя препятствія, а именно, во первыхъ, что у нихъ недостало бы лошадей, какъ для себя, такъ и подъ орудія, такъ какъ Татары, во время семи набѣговъ, сдѣланныхъ ими въ теченіи минувшей зимы, похитили у нихъ болѣе 2000 коней, которыхъ затѣмъ осталось у нихъ не болѣе 400; во вторыхъ, что было бы слишкомъ опасно, при небольшомъ числѣ ихъ войска, т. е. 3000 человѣкъ, перейти въ Валахію, тогда какъ невозможно полагаться на валахскаго господаря, да и хорошо имъ извѣстенъ непостоянный и измѣнническій характеръ самихъ Валаховъ; въ третьихъ, что они считаютъ невозможнымъ обязываться служить и переходить въ такую даль, при столь незначительномъ вознагражденіи и при неопредѣленности нашихъ предложеній. Кромѣ того, они еще требовали, чтобы я указалъ имъ средства, какъ получить имъ лошадей, и хотѣли узнать, не взялся ли бы я выхлопотать нѣсколько сотъ коней у воеводы Брацлавскаго, какъ для нихъ, такъ и подъ ихъ орудія. Наконецъ, ссылаясь

на то, что они не имѣютъ обыкновенія служить и выступать въ походъ, при неизвѣстности во всей точности условій, они желаютъ, чтобы я, отъ имени Е. И. В., заключилъ съ ними контрактъ, касательно трехмѣсячнаго жалованья и содержанія лошадей. Касательно лошадей я имъ отвѣчалъ, что какъ чужестранецъ, не знакомый съ Польшею (Cron-Polen), я не могу имъ дать своего совѣта; впрочемъ, не сомнѣваюсь, что, отправляясь вверхъ по Днѣпру, они легко могли бы, въ городахъ и селахъ своей родины, получить лошадей отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, равно какъ отъ своего друга воеводы Брацлавскаго, еслибы только его объ этомъ попросили. Относительно же жалованья я имъ говорилъ, что считаю невозможнымъ вступить съ ними объ этомъ въ переговоры, такъ какъ настоящее посольство наряжено императоромъ послѣ сдѣланныхъ ему предложеній, не заключавшихъ въ себѣ настоящихъ требованій. Если бы требованія эти были предъявлены прежде, то дѣло это заблаговременно устроилось бы инымъ образомъ. Въ разсужденіи валахскаго господаря, я подавалъ имъ надежду, что онъ, когда мы прибудемъ къ нему, приметъ сторону императора, и по этому совѣтовалъ имъ, чтобы, имѣя въ виду милость, оказанную Е. И. В. изъявленіемъ имъ своего довѣрія и тѣмъ, что не смотря на далекое и опасное путешествіе въ ихъ лагерь, Е. И. В. послалъ имъ столько почетныхъ и значительныхъ даровъ, сколько и какихъ они еще разомъ никогда не получали отъ другаго монарха, чтобы, имѣя все это въ виду, они также, съ своей стороны довѣряли Е. И. В. и отправились бы, согласно его желанію, вверхъ по Днѣпру, въ Украйну или на границу края. Безъ сомнѣнія (продолжалъ я), въ этомъ случаѣ

къ нимъ пристало бы столько народа, что было бы съ кѣмъ войти вслѣдъ за Татарами въ Валахію и дойдти до Дуная. Поступая такимъ образомъ, они могутъ быть увѣрены, что Е. И. В., какъ верховный монархъ, не станетъ дѣйствовать вопреки своему достоинству и величію, но напротивъ, убѣдившись въ ихъ доброй волѣ и преданности и усмотрѣвъ готовность ихъ дѣйствовать, какъ этого требуетъ его служба,—наградитъ ихъ, даже, можетъ быть, болѣе ожидаемаго ими жалованья, на славу себя и для большей пользы имъ самимъ. На это они мнѣ отвѣтили, что призываютъ Бога въ свидѣтели своей готовности служить интересамъ Е. И. В., но что есть причины, ими уже объявленныя, которыя не дозволяютъ имъ предпринять походъ въ столь отдаленныя мѣста. Но все же, чтобы доказать свою покорнѣйшую преданность Е. И. В., согласились отправить къ нему пословъ, уполномочивъ ихъ заключить съ нимъ договоръ насчетъ условій ихъ содержанія, обѣщая при этомъ постараться самимъ о доставленіи себѣ лошадей, и не оставаться дома, въ бездѣйствіи, а, вступивъ въ службу Е. И. В. отправиться въ море, съ цѣлію нападенія на Килію и на Бабадагъ (Baba), два важные турецкіе города, лежащіе при Дунаѣ, выше впаденія его въ Черное море; или же попытаться разрушить Перекопъ, главный городъ крымскихъ Татаръ, отстоящій отъ ихъ лагеря по прямой дорогѣ въ разстояніи 26 миль, а по морю до него не много болѣе. Опять я имъ представилъ, что предполагаемый ими морской походъ при другихъ обстоятельствахъ могъ бы вмѣняться имъ въ заслугу; но настоящимъ задуманнымъ Е. И. В., военнымъ дѣйствіямъ онъ не можетъ благопріятствовать, а потому подобный походъ, по моему мнѣнію, не заслу-

житъ особеннаго вниманія Е. И. В., такъ какъ онъ не помѣшалъ бы Татарамъ, уже переправившимся чрезъ Днѣпръ, вторгнуться въ Венгрію и напасть на владѣнія Е. И. В., и—не отдѣлилъ бы Татаръ отъ турецкаго войска: это два такіе пункта, которые и были главною причиною настоящаго посольства. И такъ, я по прежнему предложилъ имъ, отъ имени Е. И. В., тронуться съ мѣста, какъ можно скорѣе, и идти въ Валахію вслѣдъ за Татарами, чтобъ не допустить ихъ пройдти чрезъ Венгрію, присовокупляя къ тому, что, по достиженіи валахской границы, ничто не помѣшаетъ имъ отправить своихъ пословъ къ Е. И. В. для переговоровъ касательно требуемаго ими содержанія. Безъ сомнѣнія (прибавилъ я) Е. И. В., увидѣвъ, что они приступили къ дѣлу и, служа ему, храбро дѣйствуютъ противъ непріятеля, изъявитъ имъ при этихъ переговорахъ еще большую свою благосклонность и милость.

Обо всемъ этомъ асаулы (Jassawuli), т. е. начальники, которыхъ можно уподобить поручикамъ, донесли большому колу, отъ котораго тогда отдѣлилась чернь въ особенное коло. Тамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, послѣдовало снова одобрительное рѣшеніе „cum solenni acclamatione“, сопровождавшееся бросаніемъ вверхъ шляпы. Когда мы послѣ этого вышли изъ кола, казаки начали гремѣть войсковыми барабанами и трубами, дали десять залповъ изъ орудій, а ночью пустили еще нѣсколько ракетъ. Но въ тотъ же вечеръ нѣсколько безпокойныхъ лицъ, къ которымъ присоединились болѣе зажиточные, какъ напр. охотники и хозяева челновъ, бродили по хатамъ простолюдиновъ и, представляя отдаленность и опасность пути, предостерегали ихъ и не совѣтовали рѣ-

шаться на то, въ чемъ потомъ должны будутъ раскаиваться. Они доказывали имъ невозможность продовольствоваться во время столь далекаго похода на присланную имъ незначительную сумму, тогда какъ большая часть изъ нихъ люди бѣдные; спрашивали ихъ, на что употребятъ они эти деньги,—на покупку ли хлѣба, или же на покупку лошадей, поставляя имъ при этомъ на видъ, что будто бы Е. И. В. легко можетъ завлечь ихъ далеко отъ ихъ страны, и потомъ, когда они ему не будутъ уже нужны, броситъ ихъ на произволъ судьбы, тѣмъ болѣе, что онъ не далъ имъ никакого удостовѣренія посредствомъ грамоты и печати.

Подобными словами они произвели на народъ такое впечатлѣніе, что простые козаки, собравшись утромъ слѣдующаго дня, т. е. 21-го іюня, снова въ коло, пришли къ совершенно иному заключенію, и никакъ уже не хотѣли выступить въ походъ при столь неопредѣленныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что они даже не знали, гдѣ находятся обѣщанныя имъ деньги и отъ кого имъ слѣдуетъ получить ихъ, такъ какъ имъ не были предъявлены ни грамота Е. И. В., ни удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно будутъ доставлены имъ прибавочныя деньги, (praesent und donativa). Послѣ этого, нѣкоторыхъ изъ нихъ прислали въ нашу квартиру, для сообщенія намъ такого рѣшенія. Тогда я поставилъ имъ на видъ, что имъ не трудно было бы убѣдиться въ томъ, что деньги, эти дѣйствительно посылаетъ имъ Е. И. В., такъ какъ, въ противномъ случаѣ, я не могъ бы и объявлять имъ объ этомъ самъ отъ себя; да и надобно быть слишкомъ глупымъ, чтобы заявлять о такихъ деньгахъ, которыя впослѣдствіи не были бы получены, и такимъ образомъ на-

влекать бѣду на свою шею, если бы этихъ денегъ потомъ не оказалось. Напротивъ (говорилъ я), они непремѣнно могутъ получить эти деньги, какъ только согласятся принять предложенныя имъ нами отъ имени Е. И. В. условія. Въ подтвержденіе сказаннаго мною, я показалъ имъ еще мою инструкцію, снабженную императорской печатью. Когда эти посланные возвратились въ свое коло, члены коего все еще упорствовали въ своемъ рѣшеніи (proposito), то гетманъ и нѣкоторые изъ главныхъ лицъ, въ особенности Лобода, прежній гетманъ, при которомъ былъ разрушенъ Бѣлгородъ, стали ихъ уговаривать и предлагали имъ хорошо обдумать, на что они рѣшаются, и затѣмъ согласиться на принятіе милостивѣйше имъ сдѣланныхъ императоромъ предложеній, дабы потомъ не подвергнуться всеобщему осмѣянію за то, что отказались отъ участія въ столь похвальномъ предпріятіи (impresa), направленномъ противъ закоренѣлаго врага христіанъ, и что не захотѣли выступить въ походъ, не смотря на предложеніе, милостивѣйше сдѣланное имъ столь могущественнымъ монархомъ.

Когда же и послѣ этого они все еще оставались при прежнемъ мнѣніи, то гетманъ, въ гнѣвѣ, распустилъ собраніе и отказался отъ своего достоинства, объявивъ имъ, что болѣе не желаетъ быть ихъ гетманомъ, такъ какъ видитъ, что они мало дорожатъ честью, славою и своимъ добрымъ именемъ.

Послѣ обѣда асаулы снова созвали членовъ товарищества въ коло, и даже загоняли ихъ туда кіями (23). Здѣсь прежде всего рѣшились просить Микошинскаго, чтобы онъ снова принялъ начальство, на что тотъ и согласился. За тѣмъ слышались разные странные толки о

Хлопицкомъ; между прочимъ говорили, что онъ ложными донесеніями обманулъ не только Е. И. В., но и ихъ самихъ и насъ; заговорили даже публично, что хотѣли бросить его въ воду, чѣмъ навели на него не малый страхъ.

Изъ всего хода дѣла можно легко видѣть причину дѣйствій Хлопицкаго при дворѣ, и то, что онъ почти по всѣмъ пунктамъ ошибочно докладывалъ Е. И. В. Такъ, *во первыхъ*, онъ выдавалъ себя за ихъ гетмана, чѣмъ онъ никогда не былъ и никакъ не могъ надѣяться быть, какъ я узналъ объ этомъ отъ главныхъ лицъ товарищества. Во *вторыхъ*, онъ никогда не былъ отправленъ отъ войска къ Е. И. В., но, находясь незадолго передъ тѣмъ въ Кіевѣ и толкуя по своему слова козаковъ, говорившихъ съ нимъ о своемъ желаніи быть знакомыми Е. И. В., отправился къ нему предъ самымъ началомъ войны съ Турками и предложилъ принять въ свою службу козаковъ, безъ ихъ вѣдома, какъ мнѣ сказалъ это самъ Микошинскій. Въ *третьихъ*, число козаковъ доходило, по его разсказу, отъ 8 до 10,000 человѣкъ, что также было несправедливо; ибо самъ я засталъ въ ихъ лагерѣ въ сборѣ не болѣе 3,000 человѣкъ. Правда, они могутъ, если захотятъ, собрать ихъ еще нѣсколько тысячъ, если призовутъ подъ оружіе тѣхъ козаковъ, которые разсѣяны по городамъ и селеніямъ, но причисляются также къ Запорожцамъ. Въ *четвертыхъ*, онъ увѣрялъ, что они удовольствуются дарами Е. И. В. и немедленно подымутся и согласятся служить ему повсюду, гдѣ только Е. И. В. будетъ угодно, и это также не оправдалось.

Такъ какъ, надобно сказать правду, Хлопицкій подалъ поводъ къ большимъ непріятностямъ, которыя не случились бы, если бы онъ дѣйствовалъ откровенно, то я не-

однократно дѣлалъ ему выговоръ и такъ сильно выражался насчетъ его легкомысленнаго поведенія, что часто заставлялъ его обливатвся слезами и пòтомъ, выступавшимъ на его лбу, вслѣдствіе того, что онъ самъ хорошо сознавалъ свою вину и видѣлъ, что жизнь его въ моихъ рукахъ и что онъ можетъ дорого поплатиться, если я не пощажу его.

Впрочемъ Запорожцы, собравшись снова въ коло, утромъ 23-го іюня, послали нѣсколькихъ депутатовъ въ нашу квартиру съ увѣдомленіемъ, чтобы мы не думали, что они отказываются отъ поступленія на службу Е. И. В.; но что охотно сдѣлали бы это, еслибы не встрѣчали къ тому препятствія въ извѣстномъ намъ недостаткѣ у нихъ лошадей. На это я имъ отвѣчалъ, что я не прочь отъ начертанія и передачи въ коло тѣхъ условій, на которыхъ моя сдѣлка съ ними могла бы состояться. Тогда они отправились къ своимъ товарищамъ, для сообщенія имъ моего предложенія, которое этими послѣдними было одобрено, и затѣмъ всѣ они разошлись. Въ то самое время, какъ я велѣлъ написать свои условія, они сами также составили письменный актъ, съ предъявленіемъ съ своей стороны тѣхъ условій, по которымъ они считаютъ въ̀ этотъ разъ возможнымъ вступить въ службу Е. И. В. Послѣ обѣда, собравшись снова въ коло и не дождавшись присылки моихъ условій, опять прислали ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ своей среды съ составленными ими условіями слѣдующаго содержанія:

„Conditiones“, переданныя полнымъ собраніемъ (das ganze Kolo) Запорожскаго войска посланнику Римск. И. В.: 1) Тотчасъ по полученіи, прошлою весною, здѣсь въ Запорожьѣ, чрезъ нашего товарища (gesellen), г. Ста-

нислава Хлопицкаго, письма Е. И. В., нашего всемилостивѣйшаго государя, мы, узнавъ чрезъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собралось войско турецкаго императора, состоящее изъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, и что оно должно было оттуда двинуться въ Венгрію, призвали на помощь Всемогущественнаго и отправились туда же, чтобы испытать счастіе отъ имени Е. И. В. и успѣли такъ дѣйствовать огнемъ и мечемъ, что положено на мѣстѣ 2500 вооруженныхъ людей и около 8000 простаго народа. *Затѣмъ*, когда сказанный товарищъ нашъ Хлопицкій передалъ намъ знамя и трубы отъ Е. И. В., мы приняли эти прекрасные клейноты (Kleinoth) съ благодарностью и, зная навѣрно, что крымскій царь имѣлъ намѣреніе переправиться со всею своею силою чрезъ Днѣпръ при Очаковѣ, отправились туда съ гетманомъ нашимъ, дабы препятствовать его переправѣ; но заставши тамъ большія силы Турокъ, какъ сухопутныя, такъ и морскія, мы, противясь имъ по возможности, боролись съ ними и плѣнили, благодаря Бога, одного изъ ихъ начальниковъ.

Въ *третьихъ*, мы обязываемся дѣйствовать противъ непріятеля подъ посланнымъ намъ съ трубами знаменемъ, пока не прекратится война съ Турками; также вторгаться въ ихъ владѣнія и опустошать ихъ мечемъ и огнемъ.

Въ *четвертыхъ*, мы, по примѣру нашихъ предковъ, всегда готовы рисковать нашей жизнію для христіанской вѣры; однако, зная вѣроломство язычниковъ и Валаховъ, опасаемся туда отправиться подъ знаменемъ Е. И. В., этимъ столь важнымъ клейнотомъ и съ вашею милостью (E. gl. Persohnen); ибо намъ хорошо извѣстно, что не мало честныхъ людей и благочестивыхъ христіанъ было измѣннически предано господаремъ валахскимъ язычни-

камъ; при томъ мы никакъ, ради недостатка лошадей, какъ для насъ, такъ и для орудій, не можемъ за столь малыя деньги отправиться такъ далеко.

Въ *пятыхъ*, мы желали бы послать г. Станислава Хлопицкаго, вмѣстѣ съ двумя другими изъ нашего товарищества, къ Е. И. В., для представленія ему отъ нашего имени бѣлгородскаго плѣннаго и двухъ янычарскихъ значковъ (Fendlein) и съ тѣмъ, чтобы послѣ объясненія нашихъ недоумѣній съ Вами, привести къ концу вопросъ о нашемъ содержаніи.

Въ *шестыхъ*, мы намѣрены, до возвращенія нашихъ пословъ, въ присутствіи В. М., напасть, съ помощью Божіей, на страну язычниковъ, если возможно, до самаго Перекопа, или куда нашъ путь будетъ направленъ волею Всемогущественнаго и погодою. Отъ имени Е. И. В. все будетъ нами разрушено мечемъ и огнемъ.

Въ *седьмыхъ*, необходимо будетъ, чтобы Е. И. В. письменно обратился къ Е. К. В. и чинамъ Польши съ тѣмъ, чтобы намъ былъ дозволенъ проходъ чрезъ ихъ страну; надѣемся, что въ этомъ намъ не будетъ отказано Е. И. В-мъ.

Въ *осьмыхъ*, также необходимо будетъ писать къ великому князю московскому, чтобы онъ изволилъ отрядить сюда своихъ воиновъ, дабы мы могли идти „conjunctis viribus“ на встрѣчу непріятелю до Дуная, или куда потребно будетъ и—ему противустоять.

Возвратившись послѣ этого изъ кола въ мой шалашъ, я въ немъ остался цѣлый день, а въ слѣдующій, т. е. 24-го іюня, видя, что они остались при своемъ мнѣніи, послалъ имъ въ коло слѣдующій отвѣтъ на переданныя ими мнѣ „conditiones“:

„Мы усмотрѣли изъ переданныхъ вами условій, что В. М. готовы вступить на службу Е. И. В., но что по тремъ причинамъ считаете невозможнымъ дѣлать это въ такомъ видѣ, какъ мы бы желали, а именно: 1) по причинѣ недостатка въ лошадяхъ; 2) потому, что В. М. опасаетесь послать недостаточное число воиновъ въ Валахію, при свойственномъ тамошнему народу вѣроломномъ характерѣ и 3) что В. М. находите невозможнымъ предпринять столь дальній походъ за столь малыя деньги и при неопредѣленности нашихъ условій.

Поэтому, предлагаете послать г. Хлопицкаго, съ двумя другими изъ товарищества В. М., къ Е. И. В., съ уполномоченіемъ покончить вопросъ о содержаніи В. М. На это мы должны отвѣчать по всей правдѣ, что, находя невозможнымъ добиться инаго рѣшенія дѣла, мы должны довольствоваться и этимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ и съ своей стороны отправить кого нибудь къ Е. И. В., вмѣстѣ съ посланниками В. М., съ тѣмъ еще, чтобы послѣдніе не отправлялись въ путь до нашего возвращенія съ счастливаго, съ Божіей помощью, похода (Reis und Impresa) къ Перекопу, дабы мы могли явиться предъ Е. И. В. съ пріятною вѣстью. Касательно же писемъ къ королю и чинамъ польскимъ (an die Khön. Wrl. in Polen) и къ великому князю московскому, В. М. можетъ быть включено въ инструкцію посланниковъ, чтобы они донесли объ этомъ Е. И. В., который тогда всемилостивѣйше рѣшитъ, какъ слѣдуетъ поступать въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, не худо было бы, если бы В. М., сколь возможно скорѣе, обратились къ великому князю московскому, дабы онъ выслалъ предложенное имъ вспомогательное войско противъ Турокъ, съ такою поспѣшностію, что-

бы оно могло быть здѣсь на мѣстѣ до возвращенія пословъ В. М. отъ Е. И. В.“

Причины же, по которымъ я не хотѣлъ разойтись съ козаками, но считалъ полезнымъ удержать ихъ на службѣ Е. И. В., были слѣдующія:

Во *первыхъ*, въ томъ предположеніи, что война съ Турками могла продлиться болѣе одного года или двухъ лѣтъ, я считалъ весьма полезнымъ имѣть на нашей сторонѣ столь храбрыхъ и бойкихъ людей, которые, привыкши съ молодыхъ лѣтъ къ воинскимъ упражненіямъ, постоянно борются съ Турками и Татарами и, слѣдовательно, хорошо ихъ знаютъ.

Во *вторыхъ*, содержаніе этого войска обходится дешевле, чѣмъ содержаніе другихъ воиновъ, такъ какъ оклады (Theilgelder) ихъ начальниковъ незначительны въ сравненіи съ суммами, обыкновенно платимыми другимъ военачальникамъ. Притомъ они имѣютъ свою амуницію и орудія, съ которыми многіе изъ нихъ умѣютъ обращаться, и потому назначеніе и содержаніе особыхъ оружейниковъ (Püxenmaister) становится при нихъ излишнимъ.

Въ *третьихъ*. имѣя въ виду, что великій князь московскій принялъ участіе въ дѣлѣ и посредствомъ своихъ пословъ велѣлъ объявить козакамъ, которыхъ онъ считаетъ своими слугами, чтобы они отправляли службу Е. И. В., я не хотѣлъ прервать моихъ сношеній съ ними, изъ опасенія, что великій князь могъ бы этимъ обидѣться и затѣмъ не послать къ намъ обѣщаннаго вспомогательнаго войска, о которомъ говорилъ мнѣ его посланникъ.

Въ *четвертыхъ*, мнѣ казалось, что это вспомогательное войско нигдѣ такъ удобно не могло бы къ намъ присоединиться, какъ именно здѣсь, и оттуда могло бы быть на-

правлено въ то мѣсто, въ которомъ присутствіе его оказалось бы нужнымъ.

Въ *пятыхъ*, увидѣвъ и отчасти не безъ большой опасности узнавъ, что эти переговоры съ козаками вовсе не нравились канцлеру (24), я тѣмъ болѣе счелъ нужнымъ не прерывать ихъ, дабы не дать ему возможности склонить ихъ на свою сторону и, такимъ образомъ, подкрѣпить тѣ вредныя свои интриги, которыми онъ тогда занимался, какъ этого съ его стороны и слѣдовало опасаться.

Въ *шестыхъ*, мнѣ все таки пришлось бы, еслибы я разошелся съ ними, платить имъ деньги сполна, такъ какъ эти деньги, по ихъ мнѣнію, ими были заслужены предпринятыми ими, отъ имени Е. И. В., двумя походами: однимъ, во время котораго они разрушили Бѣлгородъ, а другимъ, въ который пытались воспрепятствовать переправѣ Татаръ при Очаковѣ, хотя и безуспѣшно, по причинѣ большаго превосходства непріятельскихъ силъ.

Въ *седьмыхъ*, мнѣ казалось необходимымъ оставаться въ дружбѣ съ этими людьми, обратившими на себя вниманіе не только Украйны, т. е. Волыни и Подоліи, гдѣ они имѣютъ много приверженцевъ, но и Польши, дѣла которой находились тогда въ такомъ положеніи, что казался неминуемымъ въ ней большой переворотъ (mutation).

24-го іюня, я передалъ имъ вышепоименованные 8,000 червонцевъ, въ открытомъ колѣ, (In offnen Kolo), среди котораго было поставлено и развѣвалось знамя Е. И. В.; деньги эти они тотчасъ же разложили на нѣсколькихъ татарскихъ кобенякахъ (Kepenikh, т. е. свитка съ капишономъ или кобенякомъ) или мантіяхъ, составляющихъ ихъ одежду, и поручили нѣсколькимъ начальникамъ пересчитать ихъ. Затѣмъ, я возвратился изъ кола въ мой шалашъ

(laubhüetten, куща), а они долго еще оставались въ собраніи.

Въ слѣдующіе дни они часто тамъ же собирались и, наконецъ, пришли къ другому заключенію, т. е. рѣшились отправить Хлопицкаго уже не къ Е. И. В., но къ великому князю московскому, а вмѣсто него поручили отправиться со мною Сашкѣ (Sasko) Ѳедоровичу и Никифору (Nitzipor) съ тѣмъ, чтобы условиться съ Е. И. В. насчетъ ихъ службы и содержанія. А Яковъ Генкель могъ, на это время, оставаться у нихъ для доставленія Е. И. В. своевременныхъ донесеній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ службы ихъ Е. И. В. Причемъ нужно замѣтить, что предположенный ими походъ въ Татарію, къ Прекопу или Перекопу, какъ его называютъ Русскіе, былъ ими отложенъ.

1-го іюля, я простился въ открытомъ колѣ съ гетманомъ и со всѣмъ запорожскимъ рыцарствомъ, изъявившимъ мнѣ свою признательность за понесенные мною труды, одарившимъ меня куньею шубой и шапкою изъ мѣха черныхъ лисицъ и затѣмъ передавшимъ своимъ посланникамъ полномочіе и письмо къ императору слѣдующаго содержанія:

Письмо запорожскаго войска къ Е. И. Величеству (см. нѣмецкій оригиналъ, въ приложеніи I).

Божіей милостью, августѣйшій и непобѣдимѣйшій христіанскій императоръ, всемилостивѣйшій государь. Всепокорнѣйше и чистосердечно мы передаемъ В. И. В., какъ верховной главѣ (Herrn und Haubt) всѣхъ христіанскихъ королей и князей себя самихъ и постоянно вѣрную покорнѣйшую службу свою; молимся также Богу всемогущему за здравіе и счастливое царствованіе В. И. В. въ христіанскихъ странахъ, и — чтобы тотъ же Всемогущій унизилъ враговъ святаго креста, турецкихъ бу-

сурмановъ (Besurman) и Татаръ и подчинилъ ихъ В. И. В.; также—чтобы даровалъ В. И. В. побѣду, здравіе и блага, Вами только желаемыя. Вотъ что все запорожское войско желаетъ В. И. В. вѣрно и чистосердечно.

Отправленный къ намъ, запорожскому войску, по приказанію В. И. В. и съ значительными дарами, нашъ товарищъ, теперь полковникъ, т. е. начальникъ надъ 500 людьми, Хлопицкій, бывшій въ прошломъ 93 году у В. И. В., нашего всемилостивѣйшаго государя, ради многихъ опасностей и препятствій претерпѣнныхъ имъ и посланниками В. И. В., Эрихомъ Лассотою и Яковомъ Генкелемъ, прибылъ къ намъ только около Троицы. Тѣмъ не менѣе мы гораздо раньше, а именно за три недѣли до Пасхи, во исполненіе приказанія В. И. В., намъ переданнаго въ Запорожьѣ, съ копіею письма В. И. В., не хотѣли медлить, подражая примѣру нашихъ предковъ, промышлявшихъ по этому рыцарскому обычаю (so sich dieses Ritterlichen Brods gebraucht)—явить себя народомъ всегда готовымъ служить В. И. В. и всему христіанству по нашему обыкновенію. Поэтому, уповая на Бога, мы рѣшились рисковать жизнію и предпринять морской походъ, на счастіе В. И. В., за двѣ недѣли до Пасхи, т. е. въ опасное время года. Ибо, узнавъ за вѣрное отъ татарскихъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собралось много воиновъ, въ особенности конницы и пѣхотныхъ янычаръ, съ тѣмъ, чтобы оттуда, по приказанію ихъ владѣтеля, турецкаго царя, вторгнуться въ Венгерскую землю В. И. В., мы успѣли, съ помощью Всемилостивѣйшаго Бога, Верховнѣйшаго Царя, разрушить мечемъ и огнемъ и разграбить турецкій пограничный городъ Бѣлгородъ и перебить нѣсколько тысячъ воиновъ и простаго народа, почему и пе-

ресылаемъ В. И. В. изъ раззореннаго города плѣнника и два янычарскихъ значка. Затѣмъ, когда недавно крымскій царь съ своимъ войскомъ прибылъ къ устью Днѣпра и Буга противъ Очакова, съ тѣмъ, чтобы вторгнуться во владѣнія В. И. В., мы, подъ знаменемъ В. И. В., пытались препятствовать его переправѣ, но въ этомъ не успѣли ради превосходства его силъ, какъ сухопутныхъ на коняхъ, такъ и морскихъ на галерахъ и корабляхъ. При всемъ томъ мы имѣли съ ними двѣ стычки, и плѣнили знатнаго человѣка, котораго только потому не посылаемъ къ В. И. В., что онъ тяжело раненъ. Но Лассота, который его допрашивалъ, донесетъ В. И. В. о всемъ, что онъ отъ него узналъ. За значительные дары, какъто: знамя, трубы и наличныя деньги, императорскою милостью посланныя намъ, рыцарскимъ людямъ, мы изъявляемъ В. И. В. благодарность, какъ нижайшіе слуги Ваши и желаемъ чтобы, съ Божіей помощью, мы могли служить съ пользою и въ морскомъ походѣ, который мы теперь намѣреваемся предпринять на корабляхъ, отъ имени В. И. В. и о которомъ В. И. В. подробнѣе будетъ донесено словесно Вашимъ посланникомъ Лассотою и нашими послами Сашкою Федоровичемъ и Никифоромъ, начальниками, имѣющими подъ своею командою каждый по 100 человѣкъ нашего Запорожскаго войска.

Покорнѣйше просимъ В. И. В., какъ государя христіанскаго, соизволить выслушать и оказать довѣріе сказаннымъ нашимъ посламъ, которыхъ мы уполномочили устроить наше дѣло. Господина же Хлопицкаго, нашего полковника, мы посылаемъ съ грамотами В. И. В. и нашею къ великому князю московскому (25), какъ христіанскому государю и другу В. И. В., съ просьбою, чтобы онъ пос-

лалъ намъ помощь противъ Турокъ, что ему не трудно будетъ сдѣлать при небольшомъ разстояніи его границы и при той легкости, съ какою его войско можетъ двинуться отсюда въ Валахію или и далѣе.

Мы просимъ также В. И. В. о письмѣ къ Е. К. В. и государственному совѣту, дабы каждый рыцарь, на основаніи охранной ихъ грамоты (von Ihnen gefreyet) могъ свободно выступить въ походъ, проходить (по ихъ странѣ) и возвращаться на свою родину; докладываемъ также В. И. В., что наше Запорожское войско можетъ выставить 6000 человѣкъ старыхъ козаковъ, людей отборныхъ, не считая хуторянъ(Landtvolck),живущихъ на границахъ. По причинѣ дальности пути, мы присоединили къ поименованнымъ нашимъ посламъ и начальникамъ еще двухъ членовъ нашего товарищества.

Повторяемъ еще разъ, что мы покорнѣйше подчиняемъ В. И. В. какъ себя самихъ, такъ и свою службу.

Datum въ Базавлукѣ, при рукавѣ Днѣпра у Чертомлыка, 3 іюля 1594 года.

Полномочіе запорожскихъ посланниковъ (см. Приложеніе II).

Я, Богданъ Микошинскій, гетманъ Запорожцевъ, со всѣмъ рыцарствомъ свободнаго запорожскаго войска, симъ удостовѣряемъ, что мы, согласно съ рѣшеніемъ, состоявшимся въ нашемъ рыцарскомъ колѣ, отправили къ В. И. В. нашихъ пословъ Сашку Ѳедоровича и Никифора, начальниковъ надъ сотнями нашего войска, уполномочивъ сихъ посланниковъ покончить наше дѣло съ В. И. В., нашимъ всемилостивѣйшимъ государемъ и покорнѣйше просимъ довѣрять имъ и всему нашему войску, обязываясь сею грамотою и рыцарскимъ словомъ нашимъ, что останемся

довольными рѣшеніемъ, какое состоится между сказанными нашими посланниками и В. И. В. и что безпрекословно поступимъ, согласно этому рѣшенію.

Въ удостовѣреніе сего, мы передали нашимъ посланникамъ настоящую грамоту, снабдивъ ее печатью нашего войска и собственноручною подписью нашего писца Льва Вороновича. Datum въ Базавлукѣ, при Чертомлыкскомъ рукавѣ Днѣпра, 3-го іюля 1594 года.

Dito вечеромъ, 1-го іюля, прибыли сюда два посланника Наливайки, знатнаго козака, который служилъ противъ Запорожцевъ, когда они, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, были въ разрывѣ съ кіевскимъ воеводою, почему Запорожцы были раздражены противъ него и считали его своимъ врагомъ (26). Посланники эти донесли, что Наливайко, гнавшись за Татарами до самой Валахіи, съ 2 или $2^1/_2$ тысячами своихъ козаковъ, похитилъ у нихъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей, и что теперь онъ, узнавъ, что у Запорожцевъ оказывается въ нихъ недостатокъ, желаетъ раздѣлить съ ними эту добычу, и готовъ подарить имъ отъ 1500—1600 лошадей, чтобъ только быть уже навсегда ихъ другомъ. Но такъ какъ честное рыцарство подозрѣваетъ его въ противномъ, то онъ желаетъ явиться лично въ ихъ коло, положить среди его свою саблю и попытаться доказать неосновательность возводимыхъ на него обвиненій. Если же рыцарское коло признаетъ его при всемъ томъ еще виновнымъ, то онъ имъ предложитъ отрубить себѣ голову собственною своею саблею. Однакожъ онъ надѣялся, что они останутся довольными основательностью его оправданія и почтутъ его навсегда своимъ добрымъ пріятелемъ и братомъ, не поставивъ ему въ вину прежняго его поведенія, изъ уваженія къ тому, что еще

до войны ихъ съ кіевскимъ воеводою онъ уже состоялъ на службѣ у послѣдняго, а послѣ начатія войны не дозволяла ему собственная честь оставить своего господина, воеводу, у котораго долго до того времени, а равно и тогда онъ находился на службѣ и пользовался получаемымъ отъ него содержаніемъ.

Послѣ свиданія съ московскимъ посланникомъ, я, 2-го іюля, около полудня, вмѣстѣ съ запорожскими посланниками, Сашкою Ѳедоровичемъ и Никифоромъ, и съ двумя другими козаками, ихъ провожавшими, отплылъ изъ Базавлука на турецкомъ сандалѣ, при звукахъ войсковыхъ трубъ и барабановъ и при нѣсколькихъ выстрѣлахъ сдѣланныхъ Запорожскимъ войскомъ изъ пушекъ. Въ тотъ же день мы проѣхали мимо *Мамай-сурки* (Mamaisor), древняго городища *или* валовой насыпи (Wahlstadt, см. выше p. 22) древняго замка, находящагося на татарской сторонѣ; за тѣмъ мимо рѣчки *Бѣлозерки*, идущей изъ татарской степи и образующей, предъ своимъ впаденіемъ въ Днѣпръ, озеро, при которомъ также есть городище *и* валовая насыпь (Wahlstadt) древняго большаго города (см. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., IV, p. 143). Item, прошли мимо *Каменнаго затона*, или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона. Здѣсь Татары имѣютъ обыкновеніе переправляться чрезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ; здѣсь также производится у нихъ выкупъ (Odkup) плѣнныхъ и начинается высокій валъ, который тянется до Бѣлозерки; подлѣ этого вала лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій, что нѣкогда тутъ происходило большое сраженіе. Затѣмъ, дошли до *Микитина-рога* (Mikitin K(?)oh), на лѣвой, русской

сторонѣ и немного выше до небольшаго острова, гдѣ переночевали.

3-го іюля, прошли мимо *Лысой горки* (Lissa gura), на лѣвой, русской сторонѣ и *Толстыхъ песковъ* (Tałsti piski), большихъ песчаныхъ горъ, на сторонѣ татарской. Затѣмъ, тотчасъ, миновали устье конскихъ водъ (Usczie Konske Wody), гдѣ рѣчка Конская, идущая изъ татарской степи, изливается въ Днѣпръ, послѣ того, какъ она и выше нѣсколько разъ уже соединялась съ озерами и рукавами Днѣпра, отъ которыхъ, а затѣмъ и отъ самого Днѣпра, снова отдѣлялась. Item, миновали три рѣчки, именуемыя Томаковками, которыя текутъ въ Днѣпръ съ русской стороны и впадаютъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится значительный островъ, называемый N. (27). За тѣмъ прошли мимо Конской Подпольной (Przepoyna), гдѣ рѣчка Конская сливается съ озерами Днѣпра, на татарской сторонѣ, насупротивъ Червонной-горки (Chrwora gura), находящейся на русской сторонѣ; мимо *Аталыковой долины* (Atalihowa dolina), тоже на татарской сторонѣ; далѣе, миновали „Siedny Maiaky“ (Семь маяковъ?) или каменныя статуи (т. н. кам. бабы или маяки Малороссіянъ), числомъ 20 (?), которыя находятся на татарской сторонѣ и стоятъ на курганахъ или могилахъ (теперь ихъ уже нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ протекаетъ рѣчка Маячка); прошли затѣмъ мимо двухъ рѣчекъ, Карачокракъ и Янчокракъ, идущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны и мимо стоящей насупротивъ, на русской сторонѣ, Бѣлой-горы (Bialo gura, нынѣ Бѣленкое, см. выше). Item прошли передъ Конской, которая здѣсь впервые соединяется съ Днѣпромъ и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ островъ, на которомъ находится древнее городище

„Kurzemal“ (28). Item шли передъ другимъ островомъ, *Дубовый градъ* (Dubowihrad, нынѣ просто Дубовый), такъ названнымъ по большому дубовому лѣсу. Затѣмъ переплыли чрезъ *Великую Заборy* (Belikowa Zabora), которая есть ни что иное, какъ островъ и каменистая мѣстность на русской сторонѣ, походящая на порогъ. За нимъ не далеко представился намъ другой островъ, на которомъ мы провели ночь, проѣхавши всего 9 миль. (Вѣроятно, тутъ только доставлены были козацкимъ посламъ вышеприведенныя грамоты, 3-го іюля).

4-го іюля, прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны, откуда до острова *Хортицы*, 1 миля; длина этого острова, лежащаго на русской сторонѣ. 2 мили; затѣмъ, пристали къ берегу ниже близь лежащаго острова *Малой Хортицы*, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ Турками и Татарами; близъ сего острова изливаются въДнѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами и названіе это онѣ передали обоимъ островамъ (29).

5-го іюля, верхами проѣхали чрезъ ненаселенное Дикое поле и рѣку Суру; позавтракали и покормили лошадей, проѣхавъ всего около 5 миль; замѣтивши стоявшій на пути маякъ или каменную статую мужчины, поставленную на курганѣ или могилѣ, поѣхали къ ней и ее осмотрѣли. Послѣ обѣда проѣхали около 3 миль до возвышенной мѣстности и здѣсь переночевали, возлѣ одного кургана.

6-го іюля, утромъ, снова переплыли Суру и рѣчку *Самоткань* (Tomatkan) и пришли къ другой болотистой

рѣчкѣ (ок. 4 миль); здѣсь кормили лошадей, но предъ тѣмъ наткнулись было на медвѣдя, который и былъ нами застрѣленъ. Послѣ обѣда, переправившись чрезъ рѣчку *Домоткань* (Czawostan), прошли еще ок. 2 миль, и снова кормили лошадей. До этой мѣстности, степь почти совершенно голая и деревьевъ нигдѣ не видать; но тутъ, снова, начинаются кустарники, извѣстные у нихъ подъ именемъ байраковъ (Bayraki), а вмѣстѣ съ тѣмъ и почва становится немного гористою. Отправившись подъ вечеръ чрезъ *Омельникъ Ворскальскій* (т. е. насупротивъ Ворсклы, для различенія отъ Псёльскаго), дошли, на разстояніи около 2 и даже немного болѣе миль, до одной пещеры, гдѣ и переночевали. 7-го іюля, снова чрезъ Омельникъ, ок. 3 миль. Затѣмъ, переправившись чрезъ двѣ рѣчки, еще прошли около 5 миль. Покормивъ у послѣдней рѣчки лошадей, вечеромъ проѣхали еще, поднимаясь на гору, 1 милю.

8-го іюля, прибыли къ рѣчкѣ *Конотопи* (Konotopie), пройдя ок. 3 миль, гдѣ кормили лошадей; затѣмъ къ *Чигирину*, королевскому городу при рѣкѣ Тясминѣ, въ старостве Корсунь, подвѣдомственному тогда г. Даниловичу (30), 2 мили.

9-го,—до источника, называемаго *Мордва*, 2 мили; тамъ провели ночь.

10-го,—до *Черкасъ*, на Днѣпрѣ, королевскаго города съ замкомъ и староствомъ, 5 миль.

11-го,—чрезъ рѣчку Свидовокъ (Swidowoki), 1 миля; чрезъ рѣчку Лозовокъ, 1 миля; чрезъ рѣчку Мошну $^1/_4$ мили; тамъ, на мосту, встрѣтили запорожскаго посланника, бывшаго у канцлера. До Мошны, новаго городка Вишневецкихъ, при рѣчкѣ Мошнѣ, $^1/_4$ мили. Покормив-

ши тамъ лошадей, еще проѣхали $1^1/_2$ мили до дубоваго лѣса, гдѣ переночевали.

12-го іюля, чрезъ рѣку Рось, $1^1/_2$ мили; немного далѣе кормили лошадей у *Каменца*, каневской мызы (forwerkh), или, какъ говорятъ здѣсь, хутора; затѣмъ, до „Kurczicz'a“ (м. б. при каневской горѣ „Чортицѣ“) 2 мили; тамъ снова кормили. Отсюда чрезъ рѣчку Росаву (Rosawa), при извѣстной могилѣ, названной „De pliephena sta“ (31). Item, чрезъ *Липовый рогъ* (Libowi Rohi) до ржищевскаго хутора (bisz zu einem Krzisczowischen Gutor), лежащаго на разстояніи одной мили отъ города (32), 3 мили; здѣсь переночевали.

13-го,—чрезъ рѣчку Кагорликъ (Naharlik) и чрезъ рѣчку Ольшаницу (Ulssanicza), 4 мили. Затѣмъ, чрезъ другую рѣчку $^1/_2$ мили. Покормивши здѣсь лошадей и пообѣдавши, переѣхали чрезъ рѣчку Коснику (Kossnika); чрезъ Красную, которая изливается въ Днѣпръ у Триполя; чрезъ рѣчку Рутокъ (Ruthork), притокъ Роси; затѣмъ, чрезъ Ольшанку (Ollzerka), притокъ Днѣпра и доѣхали до бѣлоцерковскаго хутора, за которымъ переночевали на чистомъ полѣ, сдѣлавъ пути 3 мили.

14-го,—до урочища противъ *Бѣлой церкви*, королевскаго города на Роси, съ замкомъ и староствомъ, оставшагося влѣво, на разстояніи двухъ гоновъ (auff ein zwey gewendt), 2 мили; до корчмы (Kretsch), при рѣкѣ Каменицѣ, 1 миля. Покормивши здѣсь лошадей, проѣхали послѣ обѣда 1 милю чрезъ Каменицу, до деревни *Ростованъ*; отсюда, чрезъ рѣчку Растовецъ, до рѣки Сквиры (Zezwira), чрезъ которую, по причинѣ полноводія, весь нашъ багажъ переносили отдѣльно, 1 миля; чрезъ рѣчку „Bereczna“ $1^1/_2$ мили, до лежащаго при Роси *Розволжья*

(Rozweloze), города съ замкомъ, называемаго также Володеркой; $^1/_2$ мили.

15-е іюля провели тамъ.

16-го,—чрезъ рѣчку Володерку, $^1/_2$ мили; чрезъ ручей, при которомъ находится мельница, 1 миля; чрезъ другую рѣчку, по мосту, $1^1/_2$ мили; чрезъ Орехотицу, тогда разлившуюся, такъ что мы должны были идти въ бродъ, и, снявши вещи, переносить ихъ на другую сторону, 1 миля; не вдалекѣ оттуда переночевали на полѣ.

17-го, чрезъ Рось, 1 миля. До *Погребища*, города съ замкомъ при Роси, 1 миля; тамъ позавтракали. Послѣ обѣда отправились, чрезъ веселый лѣсъ, до хорошаго колодца, 2 мили, и затѣмъ, до ночлега на полѣ, $2^1/_2$ мили.

18-го, до *Прилукъ*, города съ замкомъ, $1^1/_2$ мили.

19-го, до деревни „Holoki“ (выше она названа Holecki) 3 мили, оттуда чрезъ рѣку Соснову до *Пикова*, города съ замкомъ, принадлежащаго г. Сапѣгѣ, изъ Литвы, 1 миля.

20-го,—до *Хмельника*, небольшаго города съ замкомъ, при Бугѣ, обтекающемъ его съ обоихъ сторонъ, 3 мили. Позавтракавши здѣсь, прошли чрезъ гористый дубовый лѣсъ, до деревни „Tysyka“, 2 мили. Отсюда, чрезъ рѣчку „Tyss“ до *Литичева*, города съ замкомъ Потоцкаго, при рѣкѣ Волкѣ, 2 мили. *Межибожъ*,—городъ съ каменнымъ замкомъ Сѣнявскаго, между рѣками Божекомъ и Бугомъ, которыя тамъ сливаются и продолжаютъ теченіе подъ однимъ только послѣднимъ именемъ.

21-го,—до деревни *Голесковъ* (Holeskow) 1 миля; до *Дашковца*, села г. Бѣлецкаго, котораго я посѣтилъ, 1 миля. Мимоѣздомъ я узналъ, что отрядъ воеводы брацлав-

скаго, выступившій противъ Татаръ, возвратился, потому что Татары уже вторгнулись въ Венгрію.

22-го,—до *Проскурова*, маленькаго города съ замкомъ, который данъ Влодеку въ потомственное владѣніе (33). Онъ лежитъ при прекрасномъ озерѣ, раздѣляющемъ городъ на двѣ части; тутъ же рѣка Проскуровка изливается въ Бугъ, 2 мили; на разстояніи одной мили оттуда кормили лошадей на полѣ; затѣмъ, прошли еще одну милю, миновавъ *Черный-островъ*, (Czerni-Ostrow), городъ съ замкомъ кіевскаго воеводы, оставленный нами вправо, на разстояніи менѣе $^1/_8$ мили. *Маначинъ*, городъ и замокъ Вишневецкихъ, стоитъ при большомъ прудѣ, на разстояніи 3 миль отъ Чернаго-острова.

23-го,—отсюда до *Волочиска*, города и замка гг. Збаражскихъ, 1 миля; затѣмъ *Базаръ*, городъ воеводы брацлавскаго, отстоящій на разстояніи менѣе $^1/_8$ мили отъ города и замка *Збаражъ*, 4 мили.

24-го,—*Вишневецъ*, городъ съ замкомъ при Горыни, 3 мили; деревня *Горынка* (Horinka) 2 мили. *Кременецъ*, небольшой городъ съ замкомъ и староство, 2 мили. Замокъ лежитъ на высокой горѣ, принадлежащей къ цѣпи горъ, которая постоянно оставалась на лѣвой сторонѣ отъ насъ, до самаго Лемберга.

Описавъ подробно дальнѣйшій путь свой до Регенсбурга, куда прибылъ онъ какъ разъ черезъ мѣсяцъ, т. е. 24 августа, Лассота продолжаетъ:

Сентября . . . передалъ я свой отчетъ господамъ тайнымъ (den herrn geheimen, т. е. членамъ тайнаго совѣта), въ руки г. Рудольфа Карадуція.

. . . . . я и Козаки были удостоены аудіенціи у Е. И. В., въ присутствіи гг. тайныхъ, и Козаки поднесли Е. И. В. два турецкихъ знамени.

. . . . . г. Карадуцій объявилъ мнѣ, что Е. И. В. равно какъ и гг. тайные, остались довольны моими дѣйствіями и моимъ подробнымъ отчетомъ,—и что въ скорости послѣдуетъ отвѣтъ какъ мнѣ, такъ и Козакамъ.

. . . . . г. Карадуцій также объявилъ мнѣ отъ имени Е. И. В., что хотя онъ и рѣшилъ милостивѣйше принять Козаковъ на службу, но желаетъ, чтобы они насчетъ жалованья и содержанія условились съ главнокомандующимъ въ верхней Венгріи, г. Христофомъ-фонъ-Тейфенбахомъ, и чтобы мы по этому дѣлу отправились въ Вѣну, гдѣ можемъ его застать (34).

. . . . Послѣ того какъ Е. И. В. даровалъ каждому изъ посланниковъ Козаковъ деньги на путевыя издержки и кромѣ того выдалъ денежныя награды, да еще заплатилъ что слѣдовало отъ насъ гостинницѣ, мы уѣхали по Дунаю и въ тотъ же день.....

Этими словами прерывается дневникъ; но изъ приложенныхъ къ нему грамотъ явствуетъ, что не вполнѣ удачный результатъ поѣздки Лассоты въ Запорожье не лишилъ его довѣренности Австрійскаго правительства. Уже въ 1595 г., императоръ назначилъ его, по рекомендаціи эрцгерцога Матѳея, военнымъ контролеромъ (Mustermeister) въ верхней Венгріи, и должность эту онъ отправлялъ по крайней мѣрѣ до 1604 года, въ которомъ Кашау, главный городъ въ верхней Венгріи, вслѣдствіе измѣны подпалъ подъ власть Бочкая, главы тамошнихъ мятежниковъ. Изъ

другой грамоты видно, что Лассота лишился тогда всего своего имущества, что, впрочемъ, ему не мѣшало написать статью, подъ заглавіемъ „Relatio de Cassovia rebellibus dedita“, которая потомъ переведена была на нѣмецкій языкъ и помѣщена въ IV томѣ: „des Hungerischen und Sibenbürgischen Kriegswesens durch Hieronymus Ortelius Augustanus. Nürnberg, 1613, p. 49—81“.

Между тѣмъ и эрцгерцогъ Максимиліанъ не переставалъ о немъ заботиться и назначилъ его еще въ 1611 году, за услуги, оказанныя имъ габсбургскому дому, императорскимъ и своимъ собственнымъ совѣтникомъ, обѣщавъ также рекомендовать его другимъ владѣтелямъ. О дальнѣйшей судьбѣ Лассоты, издатель его дневника не могъ собрать никакихъ свѣдѣній. Изъ самаго же дневника его нельзя вывести заключенія даже о томъ, какого онъ былъ вѣроисповѣданія. Развѣ только можно догадываться, что, будучи сначала, подобно многимъ изъ его соотечественниковъ и современниковъ, усерднымъ католикомъ, въ послѣдствіи онъ сдѣлался послѣдователемъ аугсбургскаго исповѣданія. По крайней мѣрѣ, мы отъ него узнаемъ, что дядя его Сичъ-фонъ-Штибендорфъ былъ епископомъ бреславскимъ, и что самъ онъ исповѣдывался въ с. Яго-де-Компостеллѣ, по каковому поводу и исчисляетъ онъ чудеса, творимыя патрономъ Испаніи; но не боится примѣнить къ нимъ слова: „sit fides penes authores“, а въ другомъ мѣстѣ дневника (p. 147) говоритъ, что герцогъ Карлъ Зюдерманландскій не хотѣлъ ему вѣрить, считая его католикомъ: und disz redet Er darumb, das Er vermeinet, Ich were der Catholischen religion zugethan. Во всякомъ случаѣ, отступничество Лассоты отъ римской церкви едвали могло повредить ему въ глазахъ императора,

который согласился дать Богемцамъ знаменитую грамоту величества; равнымъ образомъ онъ не могъ казаться преступнымъ и своему покровителю эрцгерцогу Максимиліану, хотя бы тотъ и не раздѣлялъ убѣжденій своего отца, который былъ въ душѣ приверженцемъ Лютера.

Касательно же народности Лассоты, можемъ замѣтить, что, соглашаясь съ г. Миллеромъ (l. l. p. 799), утверждающимъ, что Лассота былъ происхожденія славянскаго, нельзя однакожъ, читая его diarium, не сознаться, что онъ, свободно выражаясь по нѣмецки, плохо понималъ свой родной языкъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Замокъ этотъ, принадлежавшій тогда Яну Даниловичу, замѣчателенъ какъ мѣсто рожденія двухъ польскихъ королей: Михаила Корибута Вишневецкаго, 1639 и Яна Собѣскаго, 1624. Вотъ собственныя слова послѣдняго: natus sum in Olescensi arce, in edito monte, ubi etiam rex Michael natus est (Zaluski, Epist. III, 863, прив. у Balinski etc. Staroz. Polska etc. II, 593).

2) Эта неименованная вдова была никто иная, какъ Анна Тихоновна Гойская, урожденная Козинская, которой обязанъ своимъ основаніемъ знаменитый Почаевскій монастырь (см. запись А. Гойской на монастырь Почаевскій. 1597 года, въ Кіевлянинѣ, 1850, III, 32-38, ср. Balinski etc. l. l. 902 и 1422,

3) По раздѣльному акту, состоявшемуся 3 января 1593 года, между четырьмя дочерьми умершаго (1585) князя Андрея Ивановича Вишневецкаго, воеводы волынскаго, изъ огромной его „маетности“ замокъ, съ мѣстечкомъ Вишневецъ, долженъ былъ достаться третьей его дочери Александрѣ, супругѣ князя Юрья Александровича Чарторыйскаго. (Акты Ю. З. Россіи 1, 246, № 208). Безъ сомнѣнія, эта дама еще не вступила во владѣніе своимъ удѣломъ въ то время, какъ мимо него проѣзжалъ Лассота, который могъ безошибочно сказать, что Вишневецъ принадлежалъ Вишневецкимъ, т. е. дочерямъ Андрея

Вишневецкаго, дяди Константина, извѣстнаго шурина самозванца.

4) Слѣды сего города нынѣ еще замѣтны при селѣ Антоновкѣ, Сквирскаго уѣзда. По сказанію старожиловъ, въ немъ, до раззоренія его Татарами, было семь церквей. Управляющій, котораго тамъ засталъ Лассота, принадлежалъ къ древней фамиліи Мормили (Фундуклей, Обозрѣніе могилъ Кіевск. губ. Кіевъ, 1848 г. стр. 48).

5) Ниже намъ передаются нѣкоторыя подробности о нападеніи Запорожцевъ, весною 1594 года, на Бѣлгородъ или Аккерманъ, подъ начальствомъ Лободы, съ которымъ Лассота имѣлъ случай лично познакомиться. „Можетъ быть“, говоритъ г. Срезневскій въ приведенномъ выше мѣстѣ „Запорожской старины“. III. p. 94, „Лобода былъ человѣкъ великій, человѣкъ, которому Украина обязана первою мыслію объ отторженіи отъ власти Польской. Можетъ быть, онъ въ Исторіи Украины былъ тоже, въ отношеніи къ Хмельницкому, что Іоаннъ III въ отношеніи къ Петру...“ Если такъ, то насъ не могутъ не интересовать и тѣ немногія слова, которыя мы о немъ встрѣчаемъ въ дневникѣ.

6) Лассота явно говоритъ тутъ о св. Макаріи, митрополитѣ Кіевскомъ, убитомъ Татарами въ 1497 году. Мощи его и теперь открыто почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ.

7) Извѣстно, что Ярославову гробницу и нынѣ еще можно видѣть въ Софійскомъ соборѣ, построенномъ при Ярославѣ же, а не при отцѣ его Владимірѣ, какъ полагалъ Лассота (см. выше), который легко могъ впасть въ ошибку, если только этотъ памятникъ находился уже тогда на своемъ теперешнемъ мѣстѣ, т. е. въ одномъ

изъ сѣверныхъ придѣловъ церкви, который посвященъ св. князю Владиміру (см. Закревскій, Описаніе Кіева, 1, 213).

8) Показавъ, какимъ образомъ форма Моровлинъ должна была произойти изъ Муровецъ, а послѣдняя отъ Муромецъ, г. Орестъ Миллеръ (Илья Муромецъ etc. С. П. 1869, p. 800) не берется рѣшить, когда именно и отъ чего гробница Ильи могла разрушиться, и только догадывается, что гробница товарища этого богатыря, которую Лассота видѣлъ еще нетронутою, вѣроятно, содержала тѣло Добрыни Никитича „изъ всѣхъ богатырей, какъ мы знаемъ, самаго близкаго къ Муромцу, а по нѣкоторымъ проблескамъ человѣчности (напр. по его жалобѣ на богатырство) болѣе другихъ способнаго принять отъ народа, подобно Муромцу, ореолъ святости“. Но память о преподобномъ Ильѣ Муромцѣ, съ давнихъ поръ, чтится въ Антоніевой пещерѣ. Тамъ видѣлъ нетлѣнные его останки простодушный паломникъ Лукьяновъ, въ 1701 году (Русскій Архивъ, годъ первый (втор. изд.) 151); а по словамъ Кальнофойскаго, въ его книгѣ о Кіевскихъ пещерахъ, напечатанной въ 1638 году, „S. Zakonnik Ilija“ жилъ 450 лѣтъ до его времени и по народному назывался „Czobotko“ (ср. Миллеръ, 1. с.). Не сомнѣваясь въ тождествѣ сего послѣдняго съ Ильею, гробница коего во время Лассоты уже болѣе не существовала въ придѣлѣ Софійской церкви, г. Миллеръ предлагаетъ своимъ читателямъ выбрать одно изъ двухъ его предположеній: или то, что останки Ильи Муромца перенесены народомъ на другое мѣсто, или же то, что почитаніе, воздававшееся прежде разрушенной гробницѣ того же Муромца, перенесено на другую гробницу. Но г. Миллеру нужно было

только прочесть то, что Лассота пишетъ на слѣдующей (205-й) страницѣ своего дневника, чтобы убѣдиться въ томъ, что изъ двухъ его предположеній первое гораздо правдоподобнѣе втораго. Читатели немного ниже найдутъ, что въ числѣ святыхъ, которыхъ показывали Лассотѣ въ пещерахъ, находился также *великанъ и богатырь*, названный Czobotka; стало быть, то былъ извѣстный подъ этимъ простонароднымъ прозвищемъ, тотъ же самый *великанъ и богатырь*, гробница коего въ его время уже не находилась въ придѣлѣ Софійской церкви. Показавъ намъ, такимъ образомъ, что дѣйствительно смертные останки сего героя, а не почитаніе только, воздававшееся его гробницѣ, перенесены были изъ одного мѣста въ другое, Лассота вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ насъ и съ легендою о происхожденіи прозванія Ильи Муромца Чоботкомъ (сапогомъ), о чемъ даже Филаретъ Черниговскій, въ своемъ большомъ трудѣ о Русскихъ Святыхъ, не находилъ никакого намека въ нашихъ былинахъ.

9) Такъ какъ въ верхнемъ Кіевѣ вовсе не было церкви, посвященной св. *Екатеринѣ*, то можно думать, что Лассота, или его сісегопе, назвалъ именемъ ея церковь и монастырь св. *Ирины*, построенные Ярославомъ въ честь христіанскаго имени его жены Ингегердъ. По крайней мѣрѣ, эта церковь находилась также „недалече“ отъ св. Софіи, по свидѣтельству писателей XVII столѣтія и въ ихъ время представляла только кучу развалинъ, среди коихъ, за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, легко могъ еще стоять отломокъ одной изъ ея стѣнъ.

10) Что знаменитыя златыя врата, возстановленныя tant bien que mal послѣ разрушенія ихъ Монголами, означались также названіемъ „Желѣзныя врата“, —это безъ

сомнѣнія не выдумка Лассоты, хотя у другихъ писателей, прежде и послѣ него, врата эти упоминаются только подъ ихъ древнимъ именемъ.

11) Мощи св. великомученицы Варвары и нынѣ еще составляютъ главное украшеніе церкви св. Михаила, которая, судя по тому, что о ней говоритъ Лассота, къ концу XVI столѣтія не была въ такой ветхости, какъ представляетъ ее г. Закревскій (l. l. 172). Если же Сильвестръ Косовъ, въ своемъ Патерикѣ (p. 180), говоритъ, что „Михайловскій храмъ, уже не мало обрушенный, возстановленъ Іовомъ Борецкимъ“, бывшимъ отъ 1620 до 1631 года кіевскимъ митрополитомъ, то митрополитъ сей могъ быть вынужденнымъ къ этому уже *послѣ выѣзда Лассоты изъ Украины*, когда уніаты, подстрекаемые іезуитами, неоднократно, въ своемъ ослѣпленіи, раззоряли и самый Кіевъ. Такъ, попущеніемъ воеводъ, въ 1621 году, были разграблены и опустошены церкви и новозаведенное братское училище. Къ числу зданій, пострадавшихъ отъ подобныхъ неистовствъ, легко могла принадлежать и церковь св. Михаила, такъ какъ приверженцамъ Уніи никогда не удавалось присвоить себѣ эту обитель, въ которой упомянутый митрополитъ жилъ до самой своей кончины, вслѣдствіе того, что не могъ отобрать отъ уніатовъ кіевскаго каѳедральнаго монастыря.

12) Король Стефанъ Баторій опредѣлилъ воеводою Константина (Василія) Острожскаго, сына Константина Ивановича († 1533), коего гробницу Лассота видѣлъ въ соборной церкви Печерской лавры, гдѣ этотъ замѣчательный памятникъ и теперь обращаетъ на себя вниманіе благочестивыхъ посѣтителей.

13) Путешественникъ нашъ здѣсь смѣшиваетъ Альту,

при сліяніи которой съ Трубежомъ лежитъ Переяславъ, съ Супоемъ, который немного ниже изливается непосредственно въ Днѣпръ и при которомъ лежитъ село Домонтовъ, принадлежавшее, какъ и его замокъ, князю „Domunth“, какъ называетъ его Лассота, передавая намъ, быть можетъ, только собственное имя (Довмонтъ, Домонтъ) одного изъ князей Вишневецкихъ, въ украинскую вотчину которыхъ входилъ вскорѣ спустя и Домонтовъ (см. ст. Максимовича, Воспоминанія о Золотоношѣ, въ Ж. М. Вн. Дѣлъ, 1848, ч. XXIII, 414) „градъ“ Долмантовъ, Книги Большему Чертежу. Если же никто изъ Вишневецкихъ не назывался Довмонтомъ, то значитъ, что городъ сего имени въ 1594 году имъ еще не принадлежалъ, а былъ владѣніемъ одного изъ членовъ фамиліи знаменитаго защитника Пскова (1266—99), уманскаго князя Довмонта.

14) Сознаюсь, что Лассота меня поставилъ въ тупикъ (p. 208) словами „eine Walstadt eines alten Schlosses oder Horodistie“, которыя у него слѣдуютъ непосредственно послѣ имени Krzemenczek. Пусть сами читатели рѣшатъ, хотѣлъ ли онъ намъ передать значеніе слова Walstadt въ буквальномъ его смыслѣ, т. е. Leichenfeld, кладбище, или же въ смыслѣ Schlachtfeld, поле битвы, каковое значеніе оно имѣетъ нынѣ; или, наконецъ, (что мнѣ кажется вѣрнѣе всего) не хотѣлъ ли онъ выразить этимъ словомъ именно то, что мы разумѣемъ подъ словомъ городище, т. е. старинную валовую насыпь. Но мнѣ могутъ сказать, что съ такимъ взглядомъ на это дѣло трудно согласить извѣстіе о томъ, что еще въ 1590 году Сигизмундомъ III изданъ былъ универсалъ, которымъ приказано было на этомъ самомъ „uroczysku Kremienczuku“

построить замокъ и держать въ немъ постоянный гарнизонъ изъ 1000 людей, на жалованьи и содержаніи правительства (Архивъ Ю. З. Россіи, часть третья, т. I, 30). Да, но мы вправѣ полагать, что къ постройкѣ сего замка еще не было приступлено въ то время, когда Лассота присталъ къ берегу этого урочища, на томъ основаніи, что еще до этого времени вспыхнуло первое общее возстаніе Козаковъ, подъ предводительствомъ Коссинскаго и приняло такіе размѣры, что для подавленія его король принужденъ былъ призвать къ поголовному ополченію шляхту воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, въ январѣ 1593 года (ibid., 44). Судя по этому, слѣдуетъ заключить, что при Сигизмундѣ III сохранились развѣ одни только развалины кременчугскаго замка, построеннаго (по Бѣльскому прив. Бантышъ Каменск., въ его Ист. М. Росс., I, 147) еще при Сигизмундѣ Августѣ и упомянутаго въ числѣ днѣпровскихъ замковъ Михаиломъ Литвиномъ, посланнымъ этимъ королемъ для „люстраціи“ литовскихъ владѣній въ южной Россіи.

15) Въ нашихъ лѣтописяхъ не могло быть и рѣчи о *посольствѣ* царя Ѳедора Іоанновича къ Запорожцамъ; но такъ какъ въ нихъ читается, что Хлопицкому дали знать въ Москвѣ въ августѣ 1594 года, что гетману Микошинскому и всему войску запорожскому послано повелѣніе идти на помощь императору (см. Арцыбышевъ, Повѣств. о Россіи, III, 34), то легко могло статься, что это порученіе было возложено на Василія Никифоровича, котораго Лассота столь же легко могъ, если не считать, то по крайней мѣрѣ называть посланникомъ, по незнанію настоящаго его званія, или потому, что принималъ слово „gesandte“ въ пространнѣйшемъ смыслѣ, вмѣсто

„abgesandte“, какъ онъ его также титулуетъ (p. 208).

16) Тогда какъ у Лассоты Звонецкій порогъ слѣдуетъ послѣ Стрѣльчаго, у г. Скальковскаго, напротивъ того, эти пороги показаны въ обратномъ порядкѣ (Опытъ Ст. Опис. Н. Росс. края, I, 113) и въ такомъ же порядкѣ они представлены у г. Вильсона (Списокъ насел. мѣстъ Екат. губ., р. X). Но что въ этомъ случаѣ ошибается не австрійскій дипломатъ, въ томъ меня убѣждаетъ не столько свидѣтельство автора „Топографическаго описанія доставшимся Россіи..... землямъ, 1774 г.“ (въ VII т. З. Од. Общ. Ист. и Древн., 174), у котораго Стрѣльчій порогъ также является выше по рѣкѣ, чѣмъ Звонецкій, сколько показаніе очевидца, г. Аѳанасьева-Чужбинскаго (Морской Сборникъ, XXXI, 3, 24), по словамъ котораго судно, вышедши изъ Лоханскаго порога, сперва минуетъ Стрѣльчую Забору, а затѣмъ уже подходитъ къ Звонецкому порогу, пройденному молчаніемъ въ спискѣ пороговъ, исчисляемыхъ въ книгѣ Большому Чертежу, и упомянутому Константиномъ Багрянороднымъ подъ однимъ только *русскимъ* названіемъ его „Геландри“, показывающимъ, что еще въ X столѣтіи порогъ Звонецкій былъ извѣстенъ Славянамъ подъ нынѣшнимъ своимъ названіемъ.

17) И тутъ опять Лассота, лишившись, быть можетъ, присутствія духа по случаю опасности, которой подвергся послѣ проѣзда чрезъ Воронову Забору, не соглашается съ свидѣтельствомъ гг. Скальковскаго и Вильсона, по словамъ которыхъ эта забора предшествуетъ Ненасытецкому порогу, превращенному у нашего автора въ „Novosyri“. Впрочемъ, еще остается вопросомъ, кто въ этомъ случаѣ правъ, потому что въ книгѣ Большому Чертежу и

въ приведенномъ топографическомъ трудѣ 1774 года, Воронова забора также слѣдуетъ послѣ Ненасытецкаго порога.

18) Не былъ ли этотъ „Oscyki“ однофамилецъ литовскаго вельможи Григорія Осцика или Остыка, казненнаго въ 1580 году въ Вильнѣ, за тайныя сношенія съ Россіею, вмѣстѣ съ какимъ то жидомъ, занимавшимся въ его имѣніи Коварскѣ дѣланіемъ фальшивой монеты (Heidenstein, Rerum Polon.... libri XII, 1672, p. 147). Хотя, по опредѣленію варшавскаго сейма, въ слѣдующемъ году малолѣтній сынъ Григорія Янъ былъ признанъ невиннымъ (Albertrandi, Panowanie Henryka etc., изд. Онацевича, № 5), тѣмъ не менѣе отцовскія его имѣнія были тогда же отданы Стефаномъ Баторіемъ храброму полководцу его Гавріилу Бекѣшу (Balinski, III, 275), который, однако, по смерти короля, принужденъ былъ возвратить $^2/_3$ этихъ имѣній Аннѣ Сангушко, урожденной Остикъ, и сыну ея Григорію. О Янѣ не говорится ни слова, быть можетъ, потому, что онъ, по достиженіи совершеннолѣтія, предпочелъ переселиться изъ Вильны въ Москву. Въ этомъ случаѣ и объяснилась бы встрѣча его съ Лассотою на пути въ Запорожье, куда Янъ Остикъ легко могъ быть отправленъ, вмѣстѣ съ Васильемъ Никифоровичемъ.

19) Трудно сказать, на какомъ именно островѣ Лассота тогда засталъ Запорожскую сѣчь, такъ какъ, въ настоящее время, въ долинѣ Днѣпра ниже пороговъ, нѣтъ острова, который бы назывался Базавлукомъ, за исключеніемъ развѣ окрестностей села Покровскаго, гдѣ находилась уничтоженная при императрицѣ Екатеринѣ II (1775) т. н. Новая сѣчь. Она составляла, говоритъ г. Скальковскій

(Опытъ Стат. Опис. и пр. 1, 120) „настоящій островъ, такъ какъ она цѣлою дугою была окружена слившимися вмѣстѣ рѣчками Базавлукомъ и Подпольною, тогда какъ основаніемъ дуги служилъ рукавъ (рѣчица) самого Днѣпра“.

Въ другомъ прекрасномъ трудѣ (Исторія Новой Сѣчи, 2 изд. II, 56; III, 256 съ слѣд.) тотъ же авторъ приводитъ много причинъ въ пользу того мнѣнія, что Запорожцы *впервые* водворились въ этой мѣстности только въ 1735 году, т. е. по возвращеніи своемъ изъ Алешекъ, куда они переселились было по разрушеніи (въ 1709 году) прежней ихъ сѣчи, находившейся при устьѣ Чертомлыка, т. е. въ 7 верстахъ къ востоку отъ села Покровскаго, возлѣ нынѣшней деревни Капиловки или Капуловки.

Но при всемъ моемъ уваженіи къ достопочтенному автору „Исторіи Новой Сѣчи“, я не убѣждаюсь въ томъ, что Запорожцы не могли гораздо раньше 1709 г. переселиться изъ Чертомлыкской сѣчи въ Базавлукскую, т. е. изъ деревни Капиловки въ село Покровское.

Чтобы показать, что я не безъ основанія снова поднимаю вопросъ, считавшійся доселѣ окончательно рѣшеннымъ, я приведу, во первыхъ, слѣдующую приписку на планѣ Запорожской сѣчи, представленномъ императрицѣ Екатеринѣ въ 1773 году (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. IV, 468): „Укрѣпленное поселеніе войска казацкаго на западномъ берегу Днѣпра, при устьѣ Бузулука, начало свое возымѣло, по объявленію писателей, во времена Польскаго короля Стефана Баторія, который вознамѣрился предѣлы свои къ Черному морю и къ полуострову Крыму распространить“. Упомянувъ затѣмъ объ устройствѣ Малороссійскихъ казаковъ, авторъ приписки продолжаетъ:

„въ тоже самое время и крѣпость сѣчь, по Днѣпру отъ Кіева въ 434 верстахъ, построена“, т. е., если я не ошибаюсь, выше упомянутое „укрѣпленное поселеніе“.

Касательно же судьбы и дѣйствій „казацкаго общества, узаконеннаго въ подражаніе „Малтійскихъ кавалеровъ“, читается затѣмъ въ припискѣ еще, между прочимъ, слѣдующее: „состоя подъ Польшею ок. 140 лѣтъ, пришли въ 1645 году подъ Россійскую державу и за учиненную ими въ 1708 году измѣну присоединеніемъ къ Мазепиной сторонѣ, сіе ихъ укрѣпленіе раззорено (стало быть, подъ укрѣпленіемъ разумѣлась сѣчь); тогда, отшедъ къ Туркамъ, жили близь Крыма; пришедъ вторично въ Россійскую власть, тѣже выгодныя ихъ мѣста заняли“ и проч.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ заключить по гетманскимъ грамотамъ (см. Приложенія I и II), сохраненіемъ которыхъ обязаны мы Лассотѣ, что, во время его бытности въ сѣчи, она, т. е., сѣчь, находилась еще при Базавлукѣ, стало быть не въ Капиловкѣ, но въ селѣ Покровскомъ, что, впрочемъ, также явствуетъ изъ другаго мѣста дневника (см. ниже), гдѣ Лассота говоритъ, что по выѣздѣ своемъ изъ Базавлука *вверхъ* по Днѣпру, онъ проѣзжалъ мимо Мамай-Сурки, т. е. мимо мѣстности, которая находится *ниже* устья Чертомлыка.

И такъ, сѣчь, которою генералъ Тёкели овладѣлъ безъ выстрѣла въ 1775 году, по своему мѣстоположенію, кажется, совпадала съ той, которая была взята приступомъ полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ въ 1709 году, при чемъ, по всей вѣроятности, тамошняя церковь Покрова Пресвятыя Богородицы была пощажена. Иначе я не могу себѣ объяснить, какъ могло оказаться такое неи-

мовѣрное богатство церковной утвари и другихъ драгоцѣнныхъ вещей, найденныхъ въ 1775 году въ Сѣчевой Покровской церкви (всего 843 штуки, поименованныя въ статьѣ арх. Гавріила, въ III т. Зап. Од. Общ. 104—108) „оконченной въ 1740 годахъ“ (Скальковскій, Ист. Н. Сѣчи, III, 264). Если же постройка этой старой Покровской церкви была начата уже по возвращеніи Запорожцевъ изъ Турціи, то упомянутыя драгоцѣнныя вещи въ нее легко могли быть перенесены частію изъ еще *старѣйшей* Покровской церкви, въ которой царскій посланникъ Зотовъ, радушно принятый въ сѣчи, на обратномъ пути своемъ изъ Крыма въ 1682 году—молился„ за государственное многолѣтіе“ (Зап. Од. Общ. II, 647).

По его свидѣтельству, столица Запорожцевъ находилась тогда въ 10 верстахъ отъ Базавлука, чрезъ который онъ, вѣроятно, переправился не при устьѣ этой рѣки въ т. н. Великія воды (лиманъ, вливающійся въ Днѣпръ ниже Грушевки, см. Шмидтъ, Херс. губ. I, 208), но при нынѣшней почтовой станціи Перевизской, гдѣ и теперь переправляются чрезъ Базавлукъ. Въ прямомъ направленіи, эта мѣстность отстоитъ отъ села Покровскаго какъ разъ въ 10 верстахъ, тогда какъ прямое разстояніе между Капиловкой и приведенною станціею составляетъ 14 верстъ, равняющихся тогдашнимъ 10-ти. Но такъ какъ дорога, по которой слѣдовалъ царскій посланникъ, едва ли пролегала въ прямой линіи и такъ какъ онъ, быть можетъ, только приблизительно опредѣляетъ протяженіе этой дороги, то я поэтому не нахожу необходимымъ допустить, чтобы въ его время сѣчь непремѣнно находилась въ Капиловкѣ. Съ такимъ мнѣніемъ даже трудно согласовать слѣдующую, къ сожалѣнію, не ясную замѣтку г. Скаль-

ковскаго (III, 286) о гробовомъ крестѣ, найденномъ А. Г. Борзенкомъ „въ с. Шолоховомъ, въ верстахъ 8 (18?) отъ Капуловки и 16 отъ Сѣчи, въ Покровскомъ — находящимся на самомъ устьѣ р. Солоной въ Базавлукъ. Тамъ издревле были зимовники и былъ даже мостикъ для переправы почты". Переправа эта была не иная, какъ вышеупомянутая, устроенная при хуторѣ Перевизскомъ, Покровскомъ тожъ (Списки насел. мѣстъ, XIII, № 127).

Какъ бы то ни было, въ настоящее время въ Капиловкѣ нѣтъ Покровской церкви, и еще не доказано, чтобы подобная церковь когда либо существовала при устьѣ Чертомлыка, или же на близъ лежащемъ островѣ, имѣющемъ всего до 200 сажень длины и преимущественно называемомъ „Старою Сѣчью", какъ мы узнаемъ отъ г. Скальковскаго (Ист. Н. С. III, 277—8), которому показали тамъ яму, очень похожую на фундаменты храма Божія. Но самъ онъ принужденъ сознаться „была ль она (т. е. предполагаемая имъ въ этомъ мѣстѣ церковь во имя св. Покрова Богоматери) срыта до основанія, во время раззоренія самой Сѣчи въ 1709 г., или же она была унесена Запорожцами, во время бѣгства ихъ въ Турцію при Мазепѣ, — ничего не знаемъ". За то мы узнаемъ отъ г. Скальковскаго, что въ Капиловкѣ сохранилось гораздо болѣе могильныхъ камней, чѣмъ въ Покровскомъ, и что они даже гораздо любопытнѣе тѣхъ, которые онъ видѣлъ въ селѣ. Но всѣ они, по его же свидѣтельству (l. l. 279) „не древни и принадлежатъ почти всѣ, по времени, къ Алешковскому кошу Запорожья", а потому ничего не доказываютъ въ пользу того мнѣнія, что до того времени этотъ кошъ *не* могъ быть переведенъ изъ деревни въ село.

Болѣе важный аргументъ, въ подтвержденіе сего мнѣнія, представляетъ то обстоятельство, что въ Капиловкѣ сохранился надгробный камень знаменитаго предводителя войска Запорожскаго Сѣрка, который скончался въ 1680 году. Но „могильные памятники Запорожскіе (Скальковскій, l. l. 286) раскинуты были во многихъ мѣстахъ ихъ вольностей, особенно въ мѣстахъ, гдѣ были ихъ зимовники. Почему же не допустить, что храбрый кошевой атаманъ провелъ послѣдніе дни своей жизни въ своемъ зимовникѣ и что могильный памятникъ ему былъ поставленъ на мѣстѣ его кончины, а не въ сѣчи, которая по сему самому могла уже находиться при устьѣ Базавлука.

Если же поселяне примѣняютъ названіе Галагановской Сѣчи не къ Покровскому, но къ Капиловкѣ, то изъ этого обстоятельства еще не слѣдуетъ, что тутъ именно должна была находиться сѣчь, разрушенная Малороссійскимъ полковникомъ Галаганомъ въ 1709 году. По крайней мѣрѣ, я, вопреки мнѣнію г. Скальковскаго (l. l. 276), не могу представить себѣ, чтобы потомкамъ Запорожцевъ могло придти на мысль увѣковѣчить такимъ образомъ память о подвигѣ ихъ врага, хотя и блестящемъ, но для нихъ весьма пагубномъ. Скорѣй я полагалъ бы что они именемъ полковника хотѣли означать ту мѣстность, гдѣ, во время осады сѣчи, находилась главная его квартира и гдѣ, по раззореніи сѣчи, остались тѣ изъ Запорожцевъ, которые, оставшись вѣрными царю и отечеству, не хотѣли переселиться въ Турцію. Такимъ образомъ объяснилось бы, почему въ Капиловкѣ сохранилось такъ много могильныхъ камней, принадлежащихъ, по времени, къ Алешковскому кошу, и почему нынѣ видны тамъ слѣды бывшаго здѣсь

„Старо-Сѣченскаго ретраншамента временъ Петра Великаго“.

Но что сама Сѣчь тогда уже *тамъ* не находилась, объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго мѣста въ „Описаніи рѣки Днѣпра отъ м. Переволочнаго до Чернаго моря“, посланномъ Гетманомъ царю изъ Батурина, генваря 20 дня 1697 году (Зап. Од. Общ. III, 575).

„Третья рѣчка Базавлукъ впадаетъ въ Колотовское и Великую воду: а въ Базавлукъ ниже Сѣчи, въ полмилѣ съ лѣвой стороны, въ него впадаетъ Солоная Россошь, а съ правой стороны Каменка полевая“.

Смыслъ этого отрывка, явно испорченный переписчикомъ или же наборщикомъ, былъ, вѣроятно, вотъ какой: „третья рѣка Базавлукъ впадаетъ въ Колотовское и Великую воду, ниже сѣчи, въ полумилѣ; а въ него (въ Базавлукъ) впадаетъ съ лѣвой стороны Солоная Россошь, съ правой же Каменка полевая“.

Такъ или иначе, но мы имѣемъ предъ собою оффиціальный документъ, изъ котораго усматриваемъ, что уже въ 1697 году Сѣчь находилась не при устьѣ Чертомлыка, но скорѣй при устьѣ Базавлука.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести заключеніе, что съ этой именно мѣстностью было связано воспоминаніе о самомъ блестящемъ періодѣ Козачества, о времени, когда Запорожцы неоднократно заставляли трепетатьЦарьградъ, приставали ко всѣмъ берегамъ Чернаго моря и возвращались послѣ отважныхъ своихъ поисковъ во свояси, обремененные добычею и славою.

Насъ поэтому нимало не удивляетъ то, что именно въ Покровскомъ г. Скальковскимъ (l. l. 264) замѣчены были обломки якорей, снастей, желѣзныя кольца для су-

довъ, тогда какъ ничего подобнаго не видѣлъ онъ въ Каниловкѣ. Трудно было бы, напротивъ того, объяснить себѣ совершенное отсутствіе такихъ вещей въ этой деревнѣ, тогда какъ большое количество ихъ сохранилось въ селѣ, если признать центромъ Запорожья до 1709 г. мѣсто при устьѣ Чертомлыка и допустить, что Низовцы обзавелись при устьѣ Базавлука уже по возвращеніи своемъ изъ Алешекъ въ 1735 году.

Съ нашимъ взглядомъ можно наконецъ, какъ кажется, безъ натяжки согласить и показаніе Боплана (Description d'Ukranie, Rouen, 1660, p. 23), который говоритъ, что по извѣстіямъ, ему переданнымъ другими (самъ онъ никогда не былъ въ Запорожьѣ), въ его время войсковая скарбница находилась *немного ниже* устья Чертомлыка, на довольно большомъ островѣ, на которомъ сохранились развалины и гдѣ Козаки строили свои челны.

Безъ сомнѣнія, рѣчка Скарбна, изливающаяся въ Днѣпръ насупротивъ устья Чертомлыка, обязана своимъ названіемъ скарбницѣ Запорожцевъ, которая, какъ должно думать, помѣщалась въ ихъ сѣчи. Нельзя поэтому отрицать, что и послѣдняя т. е. сѣчь должна была нѣкогда находиться около устья Чертомлыка; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы она не могла быть переведена оттуда, т. е. со „Скарбнаго“ острова, еще до временъ Боплана, туда, гдѣ ее засталъ уже Лассота, т. е. на островъ Базавлукъ при Чертомлыкскомъ „Днѣприщѣ“, или низменности, къ Сѣверу отъ главнаго русла Днѣпра, перерѣзанной многими рукавами сей рѣки и простирающейся отъ устья Чертомлыка до устья Базавлука, впадающаго въ Великія воды.

20) У нашихъ авторовъ, писавшихъ о Запорожской

старинѣ, а именно: у князя Мышецкаго, Срезневскаго, Скальковскаго, Сементовскаго и другихъ, тщетно справлялся я о томъ, употреблялось ли слово „коло“ у Запорожцевъ въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему Лассота. Но, взявъ во вниманіе, что собраніе чиновъ и народа у Донскихъ козаковъ называлось кругомъ, и что нынѣ еще у Малороссіянъ подъ словомъ коло разумѣется кругъ, кружокъ, собраніе, — легко согласиться, что и у Запорожцевъ слово это примѣнялось къ народнымъ ихъ собраніямъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда Лассота гостилъ въ ихъ сѣчи. Впрочемъ, нужно замѣтить, что слово сѣчь у него вовсе не встрѣчается; столицу Запорожцевъ онъ постоянно называетъ лагеремъ, вѣроятно, потому, что это названіе употребляли и его нѣмецкіе и польскіе спутники. При этомъ позволительно также спросить: не поступалъ ли онъ такимъ же образомъ, когда, говоря объ „общей войсковой радѣ“ и о „сходкѣ“, называлъ первую „Большимъ *коло*“, а вторую „Малымъ“? Что онъ дѣйствительно слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру Поляковъ, это становится вѣроятнымъ, по показанію другаго мѣста его дневника (p. 103), гдѣ говорится, что 19 августа 1587 года въ Варшавѣ былъ избранъ королемъ польскимъ шведскій принцъ Сигизмундъ „in dem Schwarzen Kolo“, и что въ томъ же городѣ послѣдовало 23 того же мѣсяца и года, избраніе эрцгерцога Максимиліана „im Ordinari Kolo“.

Но, принимая во вниманіе то живое и отчетливое повѣствованіе, какое нашъ путешественникъ оставилъ намъ о преніяхъ, происходившихъ въ его присутствіи въ верхней и нижней палатахъ базавлукскаго парламента, нельзя не простить ему неточности употребленнаго имъ названія. Называя Запорожскія собранія иностраннымъ именемъ,

онъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду нѣмецкую поговорку: der Name thut nichts zur Sache (ср. впрочемъ ниже р. 91).

21) Слово „кошъ“, говоритъ г. Григорьевъ (О нѣкот. событіяхъ въ Бухарѣ и пр. Казань 1861, р. 87, прим. 69) „означаетъ (по татарски) всякое временное помѣщеніе въ пустомъ мѣстѣ, или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, нѣсколько кибитокъ вмѣстѣ и цѣлый лагерь.... „Поэтому, кошемъ называлось, по заимствованію отъ Татаръ, и главная квартира Запорожскаго войска, состоявшаго изъ людей неосѣдлыхъ, готовыхъ всегда переноситься съ мѣста на мѣсто.

Но отъ г. Скальковскаго (Ист. Н. Сѣчи, I, 72) мы узнаемъ, что Запорожцы гораздо позже временъ Лассоты жили не только въ шалашахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе онъ описываетъ, но что не только всѣ они вмѣстѣ, но и каждый шалашъ, въ отдѣльности взятый, также назывался кошемъ.

22) По Жалю (Jal, Dict. nautique, s. v.) извѣстнаго рода суда могли быть названы сандалами, вслѣдствіе искаженія въ устахъ Турокъ греческаго слова σαγλάρα, означавшаго въ древности челнокъ; въ примѣчаніи же къ приведеннымъ запискамъ Лукьянова (р. 170) сказано, что сандалъ слово турецкое, значущее доска, досчаникъ. Что турецкіе сандалы были не такъ малы, объ этомъ говоритъ намъ діаконъ Игнатій (Ник. Лѣт. IV, 159), въ своемъ описаніи хожденія Пименова; „оттуда (изъ Пандоракліи, Гераклеи при Понтѣ) идохомъ въ сандаліяхъ и до Царюграду“.

23) Столь безцеремонное обхожденіе есауловъ съ своими подчиненными не покажется страннымъ, когда читаемъ у Мышецкаго (Ист. о Каз. Запор. Одесса. 1852 р. 39),

какъ „глупое простонародье Сѣчи“ еще въ XVIII столѣтіи поступало при выборахъ даже главнаго своего начальника, Кошеваго атамана, а именно: „ежели онъ добровольно не пойдетъ, то его по два человѣка ведутъ подъ руки, а двое или трое сзади его пихаютъ, и въ шею толкаютъ, и ругательно бранятъ“ и проч.

24) Подъ именемъ канцлера Лассота явно разумѣлъ здѣсь короннаго гетмана Яна Замойскаго, которымъ онъ вмѣстѣ съ своимъ эрцгерцогомъ былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ несчастнаго сраженія при Бичинѣ (1588) и о которомъ, въ описаніи несчастія, ихъ постигшаго, отзывается (p. 108) въ неслишкомъ лестныхъ для этого знаменитаго сановника выраженіяхъ. Такъ, онъ, между прочимъ, говоритъ:

26 января (1588) я, по приказанію милостиваго государя своего, передалъ орудія и порохъ ротмистру „Sirny“, назначенному канцлеромъ для пріема того и другаго. Послѣ обѣда, около вечерней поры, насъ выпустили безъ оружія за городъ, гдѣ канцлеръ со слезами (mit Vergüssung vieler zehren) намъ говорилъ длинную рѣчь.

27 января, люди канцлера, вопреки капитуляціи, заключенной Е. К. В., зажгли городъ Бичинъ, а потомъ и предмѣстье, изъ котораго мы едва съ трудомъ могли выбраться; въ тотъ же день достигли мы небольшаго польскаго города Прашка (Prassa), пройдя 3 мили. Е. К. В. ѣхалъ въ крытомъ экипажѣ, запряженномъ двумя пѣгими лошадьми (weissen Rotgefärbten Rossen), имѣя возлѣ себя старосту Пржемысльскаго Ѳому Троянскаго, а мы прочіе были на верховыхъ лошадяхъ.

28-го, Е. К. В. былъ препровожденъ изъ Прашки въ Красноставъ“ и проч.

Лассота, вѣроятно, зналъ, хотя и проходитъ молчаніемъ, что въ городѣ Замостьѣ, чрезъ который пролегалъ путь плѣннаго Максимиліана, Замойскій приказалъ замуровать тѣ изъ градскихъ воротъ, чрезъ которыя эрцгерцогъ прошелъ. Въ такомъ видѣ эти ворота оставались до того времени, пока, въ 1773 году, австрійское правительство не велѣло ихъ снова отворить (Balinski и проч. l. l. II, 796).

25) Въ августѣ 1594 года Хлопицкій, какъ уже было замѣчено (см. прим. 15), дѣйствительно прибылъ въ Москву съ общею грамотою императора Рудольфа II къ государю россійскому, къ Аарону, воеводѣ молдавскому, къ Яну Збаражскому, воеводѣ брацлавскому и къ Запорожскимъ наѣздникамъ. Но съ такою грамотою онъ не былъ допущенъ къ государю; дьякъ Василій Щелкаловъ получилъ приказаніе взять ее и выслушать гонца, который, называя себя польскимъ шляхтичемъ и слугою его цесарской милости, просилъ, между прочимъ, чтобы царь прибавивъ своихъ людей къ Запорожцамъ, стариннымъ слугамъ Россіи, послалъ бы ихъ противъ врага св. Креста. Хлопицкому сдѣлали выговоръ за эту грамоту, обращенную ко всѣмъ и потому нарушающую уваженіе къ государевой особѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ дали знать, что просьба его касательно Запорожцевъ уже исполнена, вѣроятно, изъ вниманія къ убѣжденіямъ настоящаго посланника Рудольфа, Николая-фонъ-Варкочъ, выѣхавшаго обратно изъ Москвы зимою 1593 года.

Замѣчу кстати, что въ извлеченіи его путевыхъ записокъ у Аделунга (Krit. Lit-Uebersicht d. Reisen etc I) между прочимъ сказано, что посланникъ засталъ въ столовой дворца многихъ бояръ „die sassen alle in ihren

unüberzogenen weissen Schanerken (?)-Belzen mit Pie-bern». Не догадавшись, что тутъ говорится о бѣлыхъ бобровыхъ „чумаркахъ“, Аделунгъ прибавляетъ въ выноскѣ, что „unüberzogen“ должно быть описка, потому что, при великолѣпіи московскаго двора, бояре не могли тамъ сидѣть за столомъ въ шубахъ—непокрытыхъ. Но едва ли не ошибается тутъ самъ Аделунгъ.

Въ свою очередь, Арцыбышевъ, приводя, въ выноскѣ 177, IV тома, слѣдующія слова изъ только что приведенной императорской грамоты: „честный и мужественный Станиславъ Хлопицкій „большой“ надъ войскомъ запорожскимъ“, не долженъ былъ прибавлять отъ себя... „*однако неправда*“. По крайней мѣрѣ, мы теперь узнаемъ изъ сообщенной Лассотою грамоты, что Хлопицкій имѣлъ у Запорожцевъ чинъ полковника, и слѣдовательно значился въ императорской грамотѣ съ титуломъ „Obrist“, „Oberster“, т. е. „высшій“. Вотъ причина, почему онъ въ русскомъ переводѣ значится „большимъ“.

Немедленно послѣ того, какъ полковника войска запорожскаго проводили изъ Москвы, прибылъ туда *снова* (25 сентября) Варкочъ, съ цѣлью получить помощь отъ Россіи противъ Турокъ и Поляковъ. Когда, среди переговоровъ по сему дѣлу, посланникъ, между прочимъ, завелъ рѣчь о томъ, какой пользы можно ожидать въ войнѣ съ Турками отъ козаковъ, то ему дали на это о козакахъ слѣдующій отзывъ:

„Они хороши для нечаяннаго нападенія, для набѣговъ и дѣйствій въ разсыпную; но они люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя разсчитывать. Впрочемъ, по своему большому терпѣнію и готовности переносить голодъ и всѣ недостатки и удовле-

творяться самымъ ничтожнымъ продовольствіемъ, они могутъ быть весьма полезны для дальнихъ предпріятій“ (см. перев. соч. Аделунга, въ Чтен. Моск. Общ. Ист. 1863, II, p. 269).

„На это я отвѣчалъ“, продолжаетъ Варкочъ въ своемъ донесеніи къ императору (Historica Russiae monumenta, 1842, II, 44) „что у В. И. В. достаточно хорошихъ солдатъ, но что тѣмъ не менѣе Вы принимаете охотно въ свою службу и Низовцевъ (li Nizzoni), дабы „come Monarco del Mondo“ имѣть въ своемъ войскѣ всякаго рода людей, ogni sorti d'uomini“.

26) Подъ войною кіевскаго воеводы съ Запорожцами должно разумѣть вышеупомянутое возстаніе козаковъ подъ Коссинскимъ, усмиреннымъ въ 1493 году княземъ Константиномъ Острожскимъ, у котораго Семеринъ Наливайко тогда уже могъ состоять на службѣ, такъ какъ братъ его Даміанъ былъ духовникомъ князя. Въ слѣдующемъ году, Наливайко, съ отрядомъ „нереестровыхъ Козаковъ“, правъ которыхъ не признавала польская шляхта (Антоновичъ, Изслѣдованіе о Козачествѣ, Кіевъ, 1863, XLIX), ходилъ въ походъ противъ Татаръ подъ Килію и Тягинь (Бендеры) и на дорогѣ туда, равно какъ и на обратномъ пути своемъ, принудилъ шляхту воеводства Брацлавскаго снабдить свой отрядъ съѣстными припасами, волами и лошадьми. Къ числу этихъ лошадей, вѣроятно, принадлежала часть тѣхъ коней, которые онъ предложилъ въ даръ Запорожцамъ. Должно думать, что они этимъ конямъ въ зубы не смотрѣли, но съ нимъ примирились, какъ это видно изъ того, что онъ въ слѣдующемъ 1595 году, отправился въ Венгрію съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 1,000 человѣкъ, на помощь Максимиліану, (Heidenstein

l. l. 327) и откуда, поссорившись съ туземцами, возвратился съ богатою добычею.

27) Островъ, тогдашнее названіе котораго Лассота оставляетъ неопредѣленнымъ, въ настоящее время именуется „Великимъ“ или „городищемъ“; но еще до проѣзда мимо него Лассоты, Запорожцы называли его Томаковкою, именемъ рѣчекъ, при устьяхъ которыхъ онъ лежитъ (ст. Карелина въ VII томѣ З. О. О. И. 442—448). По князю Мышецкому (l. c.) они перевели сюда свою сѣчь съ острова Хортицы и хотя она затѣмъ переведена была на Микитинъ-рогъ и въ другія мѣста, тѣмъ не менѣе островъ Томаковка еще при Бопланѣ, и даже гораздо позже, занималъ важное мѣсто въ исторіи Запорожья.

28) Хотя и не подобозвучіемъ, но, по крайней мѣрѣ, мѣстоположеніемъ, это городище Курцемалъ (Grzymala?) совпадало съ находившимся, по Мышецкому (l. l. 61) между Днѣпромъ и Конкою старымъ городомъ Самысъ, столицей прежнихъ татарскихъ владѣтелей, въ которой имѣлось до 700 мечетей! Въ свою очередь, городъ этотъ своимъ названіемъ напоминаетъ мнѣ *Самусевъ* шляхъ (въ Васильковскомъ уѣздѣ), по которому, если вѣрить и понынѣ сохранившимся мѣстнымъ преданіямъ, отъ Днѣпра ходилъ на войну знаменитый воитель *Самусь* съ своею ватагою.

29) О *маленькомъ* островѣ Хортицкомъ, замѣченномъ Лассотою немного выше *большаго*, онъ ничего не говоритъ при исчисленіи мѣстностей, встрѣченныхъ имъ на пути своемъ въ Запорожье, внизъ по Днѣпру до послѣдняго острова, гдѣ тогда онъ переночевалъ. Молчаніе его легко объясняется тѣмъ, что островъ, не ускользнувшій отъ зоркаго глаза Лассоты въ началѣ іюля, за мѣсяцъ

передъ тѣмъ еще былъ покрытъ водою, такъ какъ вода въ Днѣпрѣ, ниже Кременчуга, обыкновенно прибываетъ съ половины апрѣля до конца мая, и затѣмъ, простоявъ нѣсколько времени на большой высотѣ, начинаетъ снова спадать (Шмидтъ, l. l., I, 175). Но такъ какъ въ настоящее время существуетъ одинъ только островъ Хортица, то я готовъ былъ допустить, что онъ могъ заключать въ себѣ оба прежніе острова, уже не раздѣленные одинъ отъ другаго Днѣпромъ, потому что средній горизонтъ водъ этой рѣки, по извѣстнымъ причинамъ, въ наше время, гораздо ниже, чѣмъ какъ былъ онъ даже еще въ прошломъ столѣтіи.

Въ пользу такого мнѣнія могло, повидимому, служить то обстоятельство, что, по двукратнымъ измѣреніямъ Лассоты, протяженіе Большой Хортицы не достигало двухъ миль и, слѣдовательно, далеко уступало 29 верстамъ, положеннымъ на длину нынѣшняго острова Хортицы г. Вильсономъ (l. l. p. XI, срав. Скальковскій, Опытъ Стат. 118).

Но, по собраннымъ затѣмъ точнѣйшимъ свѣдѣніямъ, я убѣдился въ томъ, что длина этого острова не равняется даже двумъ милямъ, положеннымъ Лассотою на протяженіе Большаго острова Хортицы, а потому думаю, что упомянутый имъ малый островъ сего имени долженъ былъ совпадать съ небольшимъ островомъ, нынѣ извѣстнымъ подъ названіемъ „Вербовъ“ (Зап. Одесс. Общ. III. 491). Этотъ островъ, судя по его названію, въ началѣ іюня могъ быть еще покрытъ водою, по крайней мѣрѣ большая часть его; притомъ другихъ острововъ вовсе нѣтъ на Днѣпрѣ между порогами и Хортицею. По Боплану, сказанный Вербовъ островъ „отстоящій на пушечный вы-

стрѣлъ отъ послѣдняго порога, Вильнаго“, называемъ былъ козаками Кашеварницею, какъ потому, что они тамъ пировали, въ ознаменованіе счастливаго ихъ перехода всѣхъ пороговъ, такъ и потому, что любимою ихъ пищею была каша. Немного ниже, у нынѣшней колоніи Эйнлаге, Днѣпръ принимаетъ небольшую рѣчку Кичкасъ, явно тожественную съ рѣчкою Kuczkassow Лассоты и Kuczkosow Боплана. По его свидѣтельству, Татары могли здѣсь удобнѣе всего перебираться чрезъ Днѣпръ и въ этой же мѣстности не могла не находиться извѣстная Константину Багрянородному Крарійская переправа Херсонитовъ и Печенѣговъ, такъ какъ она была подлѣ острова св. Григорія, подъ которымъ онъ явно разумѣлъ нынѣшній Хортицкій, съ давнихъ поръ извѣстный на Руси подъ настоящимъ своимъ именемъ, которое также слышится въ названіи „Zaotri“, каковое онъ носитъ на морскихъ картахъ XIV столѣтія. Хортицкимъ же островомъ онъ могъ быть названъ потому, что Руссы X вѣка имѣли обыкновеніе приносить на немъ жертвы своимъ богамъ, а подобными жертвами могли у нихъ служить, faute de mieux, молодыя собаки, которыхъ они легко могли называть хортецами, т. е. именемъ, напоминающимъ финское слово hurtta, означающее волка и извѣстнаго вида собаку, извѣстную у Эстовъ подъ названіемъ hurt, у Латышей kurts, у Литовцевъ kurtas, у Поляковъ chart, т. е. подъ именемъ нашихъ борзыхъ собакъ (Diefenbach, Vergl. W. B. d. goth. Sprache, II, 583). Что эти именно собаки высоко цѣнились въ Россіи еще гораздо позже, это видно изъ описанія Герберштейномъ охоты, въ которой самъ онъ участвовалъ, въ присутствіи великаго князя Василія Іоанновича „mit reschen Hunden, die sie

Kurtzen nennen“. По крайней мѣрѣ, можно полагать, что австрійскій посланникъ, подъ своимъ „неразгаданнымъ словомъ Kurtzi“, просто разумѣлъ хортовъ, и вовсе не имѣлъ намѣренія передать намъ, какъ догадывался академикъ Гамель (Tradescant, 125), слово „Borsu (-ja sobaki)“, или же, какъ полагалъ его сочленъ Аделунгъ,—слово „кургузая (собака, canis cursalis среднихъ вѣковъ)“. Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, гдѣ намъ придется искать слѣдовъ замка, построеннаго Вишневецкимъ около 1560 года на *Малой* Хортицѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Лассота, а это свидѣтельство его подтверждается слѣдующимъ извѣстіемъ, отмѣченнымъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1556 годомъ: „Тогда же прибылъ (въ Москву) отъ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго Михаилъ Эскович просить государя о принятіи упомянутаго князя въ службу. Вишневецкій изъ Литвы уѣхалъ и поставилъ себѣ крѣпость на Днѣпровскомъ Хортицкомъ островѣ, противъ Конскихъ водъ (Арцыбышевъ, l. l. IV, 249).

Извѣстіе же, переданное намъ Лассотою, о разореніи сего замка Турками и Татарами относится къ 1558 году, ибо тогда царь Іоаннъ I Васильевичъ получилъ отъ Вишневецкаго письмо, въ которомъ князь этотъ увѣдомляетъ царя, что на построенную имъ Хортицкую крѣпость нападалъ Девлетгерей со многими Турками и Молдаванами на судахъ; и что онъ, Вишневецкій, не могъ въ ней держаться, по недостатку съѣстныхъ припасовъ (Арцыбышевъ, IV, 258).

„Этотъ украинскій витязь“, говоритъ Максимовичъ (l. l. 414) „воевалъ Татаръ въ самомъ Крыму; но затѣмъ, польстившись Молдавскою короною, поплатился за это

жизнію въ Цареградѣ, въ 1564 году. Называя его начальникомъ Канева, Карамзинъ едва ли не смѣшалъ его съ братомъ (двоюроднымъ?) Михаиломъ Александровичемъ (Акты отн. къ ист. Ю. и З. Россіи, II, 154), который, еще до соединенія Западной Россіи съ Польшею (1569), былъ старостою Черкаскимъ и Каневскимъ и принималъ близкое участіе въ судьбахъ Украины. По возвращеніи съ Любельскаго сейма, онъ былъ кастеляномъ кіевскимъ въ продолженіи 15 лѣтъ (сравн. впрочемъ у Закревскаго, l. l. 243) и погребенъ въ Печерской церкви въ 1584 году". Если онъ, какъ читается у Антоновича (l. l. XXXI), въ качествѣ гетмана козацкаго, участвовалъ въ войнѣ великаго князя Московскаго съ возставшею Астраханью, 1569 и 1570, то кажется, что онъ затѣмъ, по примѣру брата, перебѣжалъ въ Литву, гдѣ принятъ былъ въ милость Стефаномъ Баторіемъ. По извѣстіямъ, заимствованнымъ Арцыбышевымъ (l. l. IV, 358) у польскихъ историковъ, этотъ князь, въ 1579 году, вмѣстѣ съ Константиномъ Острожскимъ, опустошилъ Сѣверскую область и сжегъ предмѣстье Чернигова.

Его украинская вотчина, заключавшая въ себѣ 56 городовъ и селъ и въ нихъ 39,610 хозяевъ (подданныхъ), досталась въ наслѣдство сыну его Михаилу, а отъ него перешла къ внуку Іереміи, который, при Янѣ Казимірѣ, какъ выражается графъ Александръ Пржездѣцкій (Podole, Wolyń, Ukraina. 1841, p. 41) „całą Polskę na barkach swoich dzwigał", но тѣмъ не менѣе, или, скорѣй, потому именно, лишился всѣхъ своихъ имѣній въ Украинѣ.

30) Старостою Корсунскимъ тогда былъ, упомянутый мною въ первомъ примѣчаніи, владѣтель Олеска, Янъ Да-

ниловичъ, который, послѣ смерти первой своей жены изъ фамиліи Конецпольскихъ (умершей гораздо раньше 1646 года, какъ сказано, по опискѣ, у Niesiecki, Herbarz Polski), женился на дочери знаменитаго Жолкѣвскаго, а дочь свою выдалъ за Якова Собѣскаго, отца не менѣе знаменитаго Іоанна III, короля польскаго.

31) Если, какъ должно думать по направленію пути, по которому слѣдовалъ Лассота, онъ переправился чрезъ Росаву около нынѣшняго села Полствина, то ему непремѣнно должны были броситься въ глаза находящіеся въ этомъ селѣ два городка, или двѣ могилы, изъ коихъ одна на возвышенномъ мѣстѣ, а другая надъ самой рѣкой (Фундуклей, Обозрѣніе могилъ etc. 21).

Говоря объ одной только могилѣ, Лассота, вѣроятно, думалъ намъ передать только ея названіе, не подозрѣвая, что подъ его „De pliphena sta“ скрывается туземное названіе обѣихъ могилъ: двѣ полствинскія (Изображеніе ихъ, у Фундуклея N II, a и b).

32) Изъ маршрута Лассоты видно, что онъ провелъ ночь въ упомянутомъ имъ же выше городѣ Ржищевѣ; если же онъ теперь ошибся въ правописаніи имени этого города, то не трудно угадать причину этой ошибки: онъ слышалъ отъ своихъ спутниковъ, что хуторъ принадлежалъ къ Ржищеву. Нынѣ здѣсь только мѣстечко, но въ немъ еще видны слѣды замка и другихъ древнихъ построекъ.

33) Тогдашнимъ владѣтелемъ Проскурова былъ ротмистръ Станиславъ Влодекъ, вѣроятно сынъ Матѳея Влодека, старосты Каменецкаго, которому, въ награду за вѣрную службу, Сигизмундъ Августъ передалъ, въ 1550 году, королевскія имущества: Плоскировъ, Лесновъ, Го-

лышинъ съ принадлежностями (Balinski и пр. l. l. II, 1005).

34) Нельзя сказать навѣрное, чѣмъ кончились переговоры запорожскихъ пословъ съ императорскимъ полководцемъ Тейфенбахомъ († 1598); но кажется, что въ связи съ ними былъ походъ, предпринятый Лободою въ Молдавію, еще къ концу года, съ значительными силами, подъ императорскимъ знаменемъ. Переправившись чрезъ Днѣстръ при Сорокахъ, Запорожцы дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что покорили всю Молдавію, не исключая и столицы Яссъ, которая была разграблена ими и предана пламени (Heidenstein, l. l, 307). Другимъ слѣдствіемъ сношеній Запорожцевъ съ императоромъ, вѣроятно, былъ упомянутый выше походъ ихъ 1595 года въ Венгрію, подъ начальствомъ Наливайки. Въ слѣдующемъ году онъ является, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ начальниковъ въ борьбѣ, происходившей на Украинѣ вслѣдствіе церковной уніи. Тщетно коронный гетманъ Жолкѣвскій хотѣлъ его посорить съ Лободою, который тогда былъ настоящимъ гетманомъ, тогда какъ Наливайко предводительствовалъ силами, случайно къ Козакамъ примкнувшими (Антонович, LXXI). Тѣмъ не менѣе Жолкѣвскому подъ конецъ удалось усмирить ихъ. Тогда же онъ заставилъ Запорожцевъ выдать, въ числѣ другихъ клейнотовъ, и подаренное имъ императоромъ знамя съ чернымъ двуглавымъ орломъ, не предвидя близкаго торжества ихъ подъ сѣнью другаго сильнѣйшаго двуглаваго орла.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Des Zaporosischen Kriegkszvolcks schreiben an die Kayserliche Mayestatt.

Von Gottes gnaden, Allerdurchleuchtigster unüberwündtlichster Christlicher Kayser; allergnedigster Herr. Wir übergeben ganz demütig ausz aufrichtigen Herzen Ew. Kay. Matt. alsz einem Herrn und Haubt aller Christlichen Khünig und Fürsten beydes uns selbst und unser allzeit getrewe Unterthenigste dienst. Wünschen auch E. Kay. Matt. unsern allergnedigsten Herrn, von Gott dem allmechtigen leibs gesundheit und glückliche Regierung über die christliche Khünigreich und land, und dasz derselbe allmechtige die Feindt des heiligen Creuzes, den Türkischen Besurman und Tattern, demüetigen und unter E. Kay. Matt. fuesz unterwerffen, auch E. Kay. Matt. nach dero sinn und gedancken, sieg glückh und heil verleihen wolle. Solches wünschen E. Kay. Matt. Wier das ganze Zaporosische Kriegsvolckh ausz rechten Trewen and aufrichtigen Herzen.

Nachdem allergnedigsten Kayser In Negst abgelaufnen 93. Jahr der Chlopiczki unser gesell, und Jeziger Zeit

ein Polkownik (das ist ein bevehlshaber über fünff hundert Mann) unsers Kriegsvolcks, bey E. Kay. Matt. unsern allergnedigsten herrn gewesen, und auf dero willen und bevehl mit ansehnlichen verehrungen Zu uns dem Zaporosischen Kriegsvolckh abgefertigt worden, und wegen vieler gefahr und ungelegenheit, so er sampt E. Kay. Matt. gesandten, Erich Laszoten, und Jacob Henklen, in der Cron Polen auszgestanden, Erst umb Pfingsten Zu uns gelanget, aber gleichwol lange für seiner ankunfft, als nemlich 3 Wochen für Ostern, Ew. Kay. Matt. allergnedigsten bevehl und willen sampt überschickung einer abschrifft von E. K. Matt. schreiben, uns dahero hinter die Porogen zu wissen gethan, haben Wir nachfolgendt dem Exempel unsrer vorfahren, so sich dieses Ritterlichen Brods gebraucht, alss ein volckh, so alzeit fertig, E. K. Matt. und der ganzen Christenheit Diensten, unserm gewöhnlichen gebrauch nach, nicht verseumen wollen, sondern Gott zu Hülff genommen, und auff E. K. Matt. glückh zur gefehrlichen Zeit, ohngefehr zwo Wochen für Ostern uns aufs Meer begeben, und leib und leben gewaget, Denn wir haben von den Tattrischen gefangenen gewisse Kundschafft gehabt, das sich zu Bialigrod viel volcks, beides von Reutterey und Janitscharn zu fuesz samlet, und sich aus bevehl Ihres Herrn des Türkischen Zahrs von daselbst aus in E. K. Matt. landt in Hungern begeben sollen, Es hett aber Gott alss der höchste Herr gnediglich verholfen, dasz Wir auf K. M. glückh dieselbe türkische gränzstadt Bialigrod mit schwert und fewer zerstört und geplindert, auch ezlich Tausend Man, beides von Kriegsleuthen und gemeinen volckh erleget,

wie wir den ausz derselben zerstörten Stadt E. K. Matt. einen gefangenen sambt zweyen Janitschar fehnlein überschicken.

Demnach auch Newlicher Zeit, der Crimmische Zahr, damitt er in E. K. Matt. landt kommen und einfallen möchte, sich mitt seinem volckh, bey Oczakow, über das ostium des Neprs und Bochs begeben, haben wir unter E. K. Matt. fahnen Ihm die überfahrt wehren wollen. Aber dem grossen volck, so auf dem landt zu Rosz und zu Wasser, auf Galeen und Schieffen gewesen, keinen Wiederstand thun können, Jedoch Zweymahl mit Ihnen gescharmizelt, und einen ansehnlichen gefangenen bekommen, welchen Wir, wen er nicht so hart verwundet, Ew. Kay. Matt. auch zugeschickt hätten, Dieweil aber der Lassota selbst mit Ihm geredet, und wegen ezlichen sachen befraget, wird E. K. Matt. Er deszhalben Bericht thuen, Wegen der ansehnlichen praesent, alss nemlich der Fahnen, Trommeten und bahren geldes, so E. K. Matt. uns Ritterlichen leuthen aus Kayserlichen gnaden verehret und zugeschickt, sagen E. K. Matt. unsern allergnedigsten Herrn, Wir als deszen geringste Diener, gehorsamisten danckh, Gott verleich, dass Wir darfur auf dieser jetzigen Reiss, so Wir mit Göttlicher Hülff In E. K. Matt. Dienst und Nahmen, aufs Meer mit schiffen zu thuen entschlossen, wol und Nuzlich dienen möchten, das von E. K. Matt. von dero gesandten dem Laszota auch unsere gesandten Sasko Fedrowicz und Niciper (beyde unsers Zaporosischen Kriegsvolcks bevehlshaber über hundert Man sein) Weitern mündtlichen bericht allergnedigst zu empfahen haben.

Und bitten E. K. Matt. alsz einen christlichen Herrn

ganz demüetig, dass dieselb gedachte unser gesandten (welchen wir völlige gewalt in unsern geschefften zu tractiren mit geben) allergnedigst anhören und Ihnen glauben geben wolle, Herrn Chlopicki unsern Polkownik haben Wir zu dem grossfürsten in Moschkaw (als einen Christlichen Herrn und E. K. Matt. geneigten freund) mit E. K. Matt. undt unsern briefen abgefertiget, begehrendt, dass Er uns, wieder den Türgken mit Volckh zu hülf kommen wolle, welches er leicht thun kan, dieweil seine gränizen nit weit entlegen, und sein volckh von hieraus leicht in Wallachey oder weiter kommen mag.

Wir bitten auch E. K. Matt. umb einen brief an Ihr Khün. Matt. undt den Reichs Rath, damit ein Jeder Ritterlicher Mann von Ihnen gefreyet, einen freyen glücklichen auszzug, durchzug und wiederkunfft Ins Vatterlandt haben möchten, thuen auch E. K. Matt. zu wiszen, dasz unser Zaporosisch Kriegsvolckh, bey sechs Tausent starck aufkommen kan, alter Kosaken, auserlesener leuth, ausserhalb des Landtvolckes an gränzen. Wegen der Weite des Wegs haben Wir gedachten unsern gesandten und bevehlshabern, Zwen ander aus unser gesellschaft zue geben.

Und thun hiermit abermahls uns und unser unter Thenigiste dienst In E. K. Matt. gnaden mit höchster Demuet, alsz dero geringste Diener untergeben.

Datum zu Bazawluk, am einem Armen des Neprs bey Czortomlek, den 3 July, A° 1594.

II.

Der Zaporosischen gesandten Volmacht.

Ich Bochdan Mikoszinszky hauptman der Zaporoser, sampt der ganzen Ritterschafft, des freyen Zaporosischen Kriegsvockhs, Thuen hiermit Kundt, das Wir diese unser Abgesandten, den Sasko Fedrowicz und Nicipor, so unsers Kriegsvolcks, bevehlshaber, über hundert Mann, mit unser vor Wiszen und bewilligung In unserm Ritterlichen Kolo, zu Ihrer Kay. Matt. unserm allergnedigsten Herrn abgefertiget, Welchen unsern abgesandten Wir völlige gewalt und macht geben, mitt Ihrer Kay. Matt. unserm allergnedigsten Herrn, In unsern geschefften Zu schlieszen; Undt bitten unterthenigst, dasz man Ihnen In allen, sowol als uns dem ganzen Kriegsvolckh glauben geben wolle, und geloben mit diesem unsern brieff, bey unsern Ritterlichen Worten, dasz wir mitt demselben Ihren grindtlichen beschlusz, so gedachte unsere gesandten mit Ihrer K. Matt. machen und eingehen werden, In allem zufrieden sein, und uns nach demselben verhalten wollen ohn einig wiederred.

Deszen zu urkundt und mehrer gewiszheit haben wir unsern gesandten diesen volmachtsbrieff mitgeben, somit unter des Kriegsvolcks Insigill verfertiget und von unsern schreiber Liew Woronowicz mit eigner Handt unterschrieben worden. Datum zu Bazawluk, an den Czertomlokischen Armen des Neprs, den 3 July A° 1594.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА БѢЛАГО

(въ Одессѣ, на Дерибасовской улицѣ, въ домѣ Марини),

и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ столицъ

ПРОДАЮТСЯ:

Стороженко. Украинскі Оповідання. 2 части. Цѣна съ пересылкою 1 р. 75 к.

Квитка. Драматическія сочиненія. 2 тома. Цѣна съ пересылкою 2 р. 75 к.

Марковъ. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и исторіи. Цѣна съ пересылкою 2 р. 30 к.

Карауловъ. Очерки исторіи Русской литературы. Цѣна съ пересылкою 3 р. 25 к.

Арманъ-Каррель. Исторія Контръ-Революціи въ Англіи. (Борьба правительства съ народомъ). Цѣна съ пересылкою 1 р. 75 к.

Чужбинскій Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ. Цѣна съ перес. 30 к.

Зарѣцкій. Еврейскія тайны. Очерки религіозныхъ вѣрованій евреевъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, а также ихъ воззрѣнія на лица и народы иныхъ исповѣданій. Въ двухъ частяхъ. Ц. 80 к. Книга эта представляетъ живой интересъ для всякаго, кто захочетъ познакомится съ внутренней, намъ невѣдомой стороной еврейскаго быта. Она содержитъ много такихъ вещей, которыя евреи тщательно скрываютъ предъ христіанами. Во 2-й части приведены извлеченія изъ талмуда объ отношеніи евреевъ къ христіанамъ, съ указаніемъ какъ евреи должны относится къ религіи, къ имуществу, къ жизни и личности христіанъ.

Отто Шраубе. Ученіе о здоровьи. Популярное изложеніе гигіеническихъ и медицинскихъ наставленій *для всѣхъ возрастовъ и различныхъ родовъ трудовой жизни;* сочиненіе это удостоено преміи въ Берлинѣ п. подъ ред. Герда, съ прибавленіемъ статьи „Главныя основы гигіены“. Цѣна 1 р. 50 к.

Юліанъ Шмидтъ. Исторія Французской литературы. 2 тома Ц. 4 р.

Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. *дешевое изданіе*. Полный текстъ съ портретомъ и 19-прекрасно выполненными рисунками Башилова (въ костюмахъ того времени). Цѣна 30 к.

Богдановскій, А. Молодые Преступники. Вопросъ уголовнаго права и уголовной политики. Изданіе 2-е исправленное и дополненное, съ приложеніемъ устава Метрэйской колоніи и устава Одесскаго исправительнаго пріюта. Цѣна 2 р.

Костенко, Л. Путешествіе въ Бухару Русской миссіи въ 1870 г. съ подробнымъ маршрутомъ отъ Ташкента до Бухары. Цѣна. 75 к.

Пастеръ, Л. Объ Организованныхъ тѣлахъ существующихъ въ Атмосферѣ, съ 59-ю рисунками. Ц. 75 к.

Колачекъ, А. Положеніе женщинъ въ Америкѣ. Цѣна 50 к,

А. Гано. Практическій курсъ физики для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, женскихъ институтовъ и гимназій и вообще для людей, неимѣющихъ предварительныхъ свѣденій по математикѣ. Съ 339 гравюрами и чертежами въ текстѣ перевелъ съ французскаго и издалъ Николай Бѣлый. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Цѣна 2 р. 50 к.